

ВИТАЛИЙ ГАДИЯТОВ

ТАЁЖНЫЙ ПЕРЕГОН

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виталий Гадиятов

Таёжный перегон

«ВЕЧЕ»

2020

Гадиятов В. Г.

Таёжный перегон / В. Г. Гадиятов — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8343-1

В газете месячной давности, пришедшей заказным письмом из Якутии, Антон Демин встречает заметку об открытии рудника, законсервированного более пятидесяти лет назад. На фотографии видна штольня, в которой исследователи провели опробование и нашли награды начальника рудника. От накотившего волнения газета в руках задрожала, текст замелькал перед глазами. На тот таежный перегон герой романа не собирался, но выпала такая планида...

ISBN 978-5-4484-8343-1

© Гадиятов В. Г., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виталий Гадиятов

Таёжный перегон

*Опять на коне,
И дорога ясна.
Опять по тайге
Куrolесит весна.
Играют ветра
Этот старый мотив,
Играют ветра
Буйным пламенем грив.*

А. Попов

© Гадиятов В.Г., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог

В газете месячной давности, пришедшей заказным письмом из Якутии, Антон Демин увидел заметку об открытии рудника, законсервированного более пятидесяти лет назад. Знакомый журналист Александр Петров, занимающийся историей ГУЛАГа, сдержал слово: прислал отчет о своей командировке на Колыму. В числе приглашенных был он и жена Татьяна, но поехали только ее мама и брат.

По долгу службы на второе открытие месторождения прилетел сам губернатор, устроивший из этого настоящую пиар-кампанию. На одной фотографии он стоял с каким-то камнем в руках в окружении большой свиты. Из текста репортажа следовало, что это оловянная руда из забоя штольни. Другой снимок запечатлел губернатора с пожилыми женщиной в строгом, но элегантном платье, и высоким мужчиной в офицерской форме. Ниже было написано:

«Губернатор В.С. Кравченко с А.В. Федоровой (в девичестве Симоновой) и Н.В. Симоновым, детьми начальника рудника “Оборонный”, репрессированного в 1950-х годах».

В газете Демин прочитал, что Николай Симонов рассказал, как они узнали о судьбе своего отца.

«О нашем отце практически ничего не было известно. Мама говорила, что он добровольцем ушел на фронт, а после войны его отправили на Север. До войны отец закончил Горный и работал на Колыме, на разведке какого-то месторождения. “А теперь ваш отец командует большим рудником, – часто повторяла мама. – Скоро он приедет домой и останется с нами насовсем”. Но потом письма от отца приходят перестали, мама не знала, что думать. Написала в Магадан, где находилась администрация “Дальстроя”, в системе которого он работал. Долго не было ответа. Мама отправила запрос даже в Москву, в какое-то министерство. И только после этого из Магадана пришло письмо. На фирменном бланке там было напечатано, что Симонов В.Т. пропал без вести при невыясненных обстоятельствах, а рудник, которым он руководил, ликвидирован ввиду закрытия управления.

– Круг замкнулся, – остановив брата, продолжила Анна Федорова. – Выяснить, как и где пропал наш отец, было не у кого. Первое время мама хотела поехать в Магадан, чтобы все узнать на месте, но так как это очень далеко, осталась дома. Так и жили до последнего времени, не ведая о том, что с ним случилось.

От нахлынувших воспоминаний Анна Васильевна прослезилась и замолчала. Успокоив сестру, продолжил Николай Симонов:

– Несколько лет назад мне принесли заказное письмо из Якутска. Я еще подумал: “Наверно, от племянницы, Аниной дочки, ведь она с сыном уехала на полюс холода. Потом смотрю, отправитель незнакомый. Думаю, может, ошиблись”. А у самого, знаете, сердце заколотилось, и в этот момент перед глазами возник отец. Такой он молодой, как на семейной фотографии, но только почему-то в военной форме. Может, потому что я полжизни проносил погоны. И у отца, знаете, вся грудь в орденах и медалях. Мистика, не правда ли? Представить себе трудно, но это факт. Мгновенное видение имело под собой место. В письме было написано, что на рудопроявлении “Оборонное” при проведении геолого-ревизионных работ найдены награды В.Т. Симонова, то есть моего отца. Кроме того, там был серебряный портсигар и его прощальное письмо. Вот так благодаря геологам приоткрылась завеса тайны.

Анна Федорова рассказала, как они трудно жили без отца и все надеялись, что он вот-вот вернется. Можно сказать, в надежде на встречу прошла вся жизнь. Сейчас у нее замечательная семья, дочка и внуки.

– К сожалению, ничего не было известно о последних днях отца, – продолжает Анна Васильевна. – Мы с Николаем подняли архивы и выяснили, что он был арестован и приговорен к десяти годам лишения свободы без права переписки. А потом его имя нашли в расстрельном

списке. Сразу после суда приговор привели в исполнение. Кстати, его арестовали и судили позже получения ответа из Магадана. Значит, в то время о его судьбе они действительно ничего не знали. Теперь отец полностью реабилитирован. В своем прощальном письме он писал: “Не вините меня строго, я ни в чем не виноват, все, что я делал, делал честно. Я работал ради процветания своей страны, для которой не жалел своей жизни”. И вот спустя десятилетия рудник, которому мой отец отдал свою жизнь, будет назван его именем. К сожалению, мама не дожидая до этого счастливого дня. Мы гордимся своим отцом и дедом. В заключение еще раз я хочу выразить искреннюю благодарность геологам и в первую очередь Антону Викторовичу Демину».

А вот что рассказал директор аграрно-животноводческого объединения «Заря» Константин Николаев, – прочитал Антон.

«Мы тоже имеем непосредственное отношение к открытию этого рудника. Геологи под руководством Александра Дубовика брали в нашем совхозе лошадей для работы в тайге. Мы им подобрали самых лучших и в сжатые сроки их обучили, а потом отряд провели до места работ. Проводником экспедиции был житель нашего поселка Винокуров Тимофей Прохорович, хорошо знавший, где находится заброшенный рудник. Он сохранил геологический отчет о работах, проведенных на этом “Оборонном”, и передал его геологам».

На фотографии Антон узнал коневода Костю, где он стоял в гражданском костюме.

«Надо же, он теперь руководит крупным фермерским хозяйством! Ничего не скажешь, Костя сделал ошеломляющую карьеру. Видно, взлетел на волне перестройки: как сейчас говорят, в нужное время оказался в нужном месте. Впрочем, ничего удивительного – он же заочно учился в сельхозинституте, ну и, наверно, показал себя в деле. А в то время Костя был старшим коневодом совхоза и, в общем, простым парнем. Зато теперь, видно, в интересах службы так “загибает”, что ни к чему не подкупаешься – в своем рассказе “наплел” с три короба. Совхоз тут вообще ни при чем, а он поднял его до небес. Можно подумать, что без них мы не нашли бы это рудопроявление. Надо же, в проводники нашей экспедиции записал Винокурова. Ну, Костя! На самом деле, с Тимофеем мы встретились только на месте. Конечно, в понимании простого обывателя слово “проводник” звучит очень круто. То есть это человек, который лучше всех знает район, местные тропы, повадки диких зверей и многое другое, в чем не разбираются и чего не знают городские жители. Поэтому уже по определению понятно, что без проводника не может обойтись ни одна даже самая продвинутая экспедиция. Вот и появился этот самый “проводник”. Во времена великих географических открытий и даже относительно недавно, когда еще не было ни топографических карт, ни аэрофото- и космических снимков и, естественно, никто даже не мог себе представить, что ориентироваться можно будет по какому-то навигатору, проводник был незаменим. Но сейчас времена изменились, и тем не менее от хорошего провожатого, можно сказать лоцмана таежного края, никто не откажется. А про отчет Костя зря сказал. Наверно, от Тимофея и узнал о нем».

На заднем плане фотографии Антон рассмотрел штольню, в которой они провели опробование и нашли награды начальника рудника. От внезапно накотившего волнения, газета в руках задрожала, текст замелькал перед глазами.

«Да, это точно месторождение “Оборонное”, – справившись с волнением, подумал он. – Где-то под этой сопкой, с которой журналист Петров сделал снимок, стоял дом Симонова. Там он и спрятал свое прощальное письмо».

Демин внимательно вглядывался в газетные фотографии и даже не заметил, как вышел на балкон. До него донесся тонкий аромат разноцветных петуний и львиного зева, свисавших из длинных ящиков, которые он закрепил со всех сторон перил новой московской квартиры. Вечером на балконе было больше света, и на фотографиях он рассмотрел другие детали.

«Ты смотри, они уже запустили дробилки и пригнали какую-то технику! – воскликнул геолог. Вдали виднеется вертолет, на котором прилетел губернатор с командой. – А мы пришли

туда своими ногами с четырьмя связками лошадей. Ох, и достались же они нам! В совхозе дали таких “дикарей”, каких свет не видывал. Вообще тот перегон был самым тяжелым в моей геологической практике. Порой даже Дубовик стонал, хотя не показывал вида, а про рабочих говорить не приходится».

День клонился к закату, солнце спряталось за соседним домом, на улице сразу похолодало, воздух наполнился влагой. Во дворе мальчишки играли в футбол, крики игроков и их болельщиков разносились по всей округе, слышались удары мяча. Хлопнула входная дверь, это Татьяна с дочками пришла из школы.

– Танюша, смотри, я получил газету с репортажем об открытии «Оборонного», – радостно воскликнул Антон.

Она его обняла.

– Наконец-то. Жаль, что мы туда не попали, но твоя диссертация сейчас важнее. Только что звонил Алешка, сказал, что задержится в художественной школе.

– Пусть занимается. Ведь ему на будущий год поступать в архитектурный.

«Надо же, как быстро пролетело время! На тот длинный таёжный перегон я совсем не собирался, выпала такая планида», – вспомнилось о давно минувшем.

Глава 1

Первое знакомство

Все вокруг было наполнено зноем нескончаемого летнего дня. Жаром обжигал налетавший ветер, теплом отдавало от прогретой земли и набравших силу лиственниц, плотной стеной окруживших отвоеванную у леса поляну. В открытой низине пересыхающего болота пожух мох-сфагнум, на опушке, словно кактус, ошетинился ягель, напоминавший остов растения, которое вместе с остатками влаги покинула жизнь. Земля, только недавно сбросившая снежный покров, уже изнывала от жажды. А по небу стаей белых лебедей плыли белоснежные облака, не предвещавшие изменения погоды.

На краю поляны стояла выгоревшая и режущая глаза неестественной белизной четырехместная палатка. Среди зелени леса она казалась чем-то инородным. Возле палатки, на длинной колоде с вывороченным комлем, сидел молодой человек в новенькой штормовке защитного цвета. Незамысловатыми движениями он расплетал толстую пеньковую веревку, свернутую тугой бухтой, выглядывавшей из переметной сумы. Из стоявшей под ногами «Спидолы» разносилась ритмичная музыка, в такт которой он раскачивался из стороны в сторону, что-то напевая себе под нос. То и дело молодой человек бросал веревки на колени и отмахивался от наседавших комаров. А когда не выдерживал натиска кровососов, хватался за флакончик с «дэтой». Не жалея, он размазывал сметаноподобную жидкость по рукам, выпуклой груди, осторожно наносил на узкое скуластое лицо с пухлыми губами, широко открытыми серыми глазами и слегка вздернутым носом. Закончив борьбу с комарами, он натянул новенькую шапочку пониже.

– Теперь я вам попорчу аппетит, – не то в шутку, не то всерьез, сказал он громко. – Будете знать наших.

Пока в воздухе стоял резкий запах мази, комары с тонким гудением тучей висели над головой, не осмеливаясь напасть. Но так продолжалось недолго, и, как только действие мази ослабевало, с новой силой и, казалось, еще большей злостью накидывались на парня.

– Что, Антон, достали? – тяжело вздохнул светловолосый молодой человек с короткой стрижкой и густой жесткой щетиной на лице. – Если в тайге их будет не меньше, нам мази не хватит. Надо сказать Дубовику, пусть купит ещё. На всякий случай я отложу себе флакончик «дэты». Советую последовать моему примеру, а то, пока дойдём до места, от тебя останутся кожа да кости.

Тот молча отмахнулся. Мол, не переживай, всё обойдётся, и неожиданно резко шлепнул себя ладонью по лбу.

– Вот проклятое отродье, набросились на дармовщинку! – с ожесточением он потер укушенное место. – Вот теперь и правда достали. Да еще жара невыносимая. Так бы содрал с себя эту чертову штормовку, а из-за комарья приходится терпеть. – Антон снял шапочку и, как веером, замахал возле лица. Густые темные волосы упали на нос, закрыли глаза. – Ничего, переживём и эту заразу. Рома, комары – не самый страшный зверь, который может встретиться в тайге, – произнёс он, улыбаясь. – Вот если медведь – это уже серьезно. Я столько бак про Топтыгина наслушался, что иногда ловлю себя на мысли, а как бы я поступил в том или ином случае. Вот, например, мужики идут по узкой тропе, а навстречу мишка...

– Да ну его... – матюгнувшись, отмахнулся от него собеседник.

– Ну, смотри, дело хозяйское.

– Если думать еще о медведях, то хоть в тайгу не ходи. Главное, – обходить их стороной. Зверь сам на рожон не полезет. Да и вообще встреча с медведем, как я понимаю, – дело слу-

чая. Если очень повезёт, ты его увидишь, а можно всю жизнь проходить по тайге и ни разу с медведем не встретиться.

Из костра Роман принес красный, как перезревший помидор, гвоздь. Разжав плоскогубцы, положил на топор, служивший наковальней, и застучал молотком. При каждом ударе раскаленный металл легко поддавался, принимая нужную форму. Гвоздь глухо звенел, но по мере того как остывал, звон становился все громче. Порывы жгучего ветра приносили едкий дым, к которому примешивался запах чего-то съестного, вызывавший у Антона легкую слабость. От этого в желудке начало урчать, и он с нетерпением поглядывал в сторону палатки, возле которой горел костер.

«И чего там Стас мудрит? – с раздражением думал он о парне, колдовавшем над обедом. – Видно, решил заморить нас голодом. Сейчас пойду разбираться, надо и честь знать».

Утром дежурный задержал завтрак и, несмотря на вмешательство начальника, пришлось есть пригоревшую кашу. По всему было видно – готовить Стас не умеет.

Антон кинул взгляд в сторону палатки и увидел, что на рыжем коне к ней прискакал какой-то незнакомец в полинявшей синей спецовке и клетчатой кепке. Резко осадив коня, он кивнул Стасу и, что-то сказав, спешился. Убавив звук приёмника, Антон прислушался.

– ...В посёлок ушёл. Я думаю, скоро придёт. Может, я чем-нибудь помогу? Ты же знаешь, я на все руки мастер, я все могу.

Сдерживая коня, приехавший покачал головой. По его виду Антон понял, что тот разочарован. Наглость Стаса, вообразившего себя начальником, ему не понравилась.

– Август загон закрывает. – Он показал на поляну, где был тот самый загон, о котором говорил. – Мы немного подождём, может, начальник подойдёт.

Пока Антон заканчивал расплести веревку, незнакомец привязал коня и, махнув рукой, подозвал Августа, пришедшего следом. Поговорив между собой, они подошли к ребятам.

– О-о, работа кипит, – обращаясь к Антону, вместо приветствия уверенно сказал коневод. – Я вижу, тут новые люди.

Незнакомец по-хозяйски огляделся, снял клетчатую кепку и, помяв ее в руках, вытер лоб. Антон встал. По возрасту коневоды были не намного старше его. Мявший кепку был высок и худощав, с черными, как смоль, длинными волосами. На вид в нём можно было признать эвенка или даже эвена, но только не якута, в чем Антон был уверен. Смотрел он как-то настороженно, а когда говорил, будто пытался проникнуть в глубину души собеседника. Второй был пониже и плотней. На его улыбчивом широкоскулом лице глаза словно потерялись и блестели черными угольками. Слегка приплюснутый нос казался больше, чем был на самом деле, черные волосы торчали ежиком. На нем была такая же, как у эвенка, вылинявшая спецовка и кирзовые сапоги с подвернутыми голенищами.

«Вот этот с кепкой, видно, и есть тот самый Костя, о котором говорил Дубовик, – глядя на него, решил Антон. – Весь он какой-то жилистый и гибкий, как выюн, минуты не может постоять спокойно. Сейчас кепку истреплет. И, по-моему, он себе на уме, не в пример крепышу».

– Давай знакомиться, – протянул он руку. – Я Костя Николаев, старший коневод этого совхоза.

Антон ответил на крепкое пожатие и представился, как делал всегда. В глазах Кости мелькнули искорки, губы разошлись в улыбке.

«Значит, я произвел достойное впечатление», – подумал Антон.

– А это Август Потапов, мой помощник, – сдерживая себя, он показал пальцем на топтавшегося рядом напарника.

Антон хотел тоже представить ребят, но Костя опередил, сказав, что они уже знакомы.

– Мы на днях приезжали, тебя еще не было. Стасик и Ромка подтвердят.

Стас, вертевший в руках поварешку, закивал головой.

– Лошадей вам пригнали, – сказал Костя. – Выбрали самых лучших, причем некоторых взяли в другом отделении совхоза.

Сдерживая себя от охватившего волнения, Антон сказал как можно спокойней, что сейчас посмотрит. Но крик души вырвался наружу:

– Долго вы морочили нам голову. Уже полмесяца надо работать, а вы только раскачались. Еще немного – и мы отказались бы от ваших лошадей.

Коневод хотел что-то ответить, но возле костра зашипело, клубы дыма взвились ввысь. Стас кинулся спасать обед.

– Ладно, зато теперь мы при полном параде, – проводив его взглядом, сказал Антон, – думаю, что не сегодня завтра двинемся на перегон.

Этого момента геологи ждали, как большого праздника, и вот так буднично и прозаично все произошло. Будто не было позади долгих разговоров у костра и сомнений по поводу получения лошадей, будто никогда не говорил Дубовик, что все будет нормально.

– Что ты вяжешь? – не влезая в разборки по поводу задержки лошадей, Костя показал на веревку, которую Антон не выпускал из рук и, словно на «автомате», плёл косичку.

Антон показал на бухту веревки, лежавшей у его ног:

– Видишь, наша веревка толстая, как канат. Такой только машины буксировать. А эта тонкая и очень прочная. Ей мы будем привязывать переметные сумы к выючным седлам.

Костя покрутил в руках «косичку» и потянул со всей силы. Веревка не поддавалась.

– Точно крепкая, однако, здорово придумали. Её даже лошадь не порвёт.

На одном конце такой двухметровой веревки, которую геологи называли выючкой, была выведена петля, предназначенная для того, чтобы ее можно было надеть на крюк выючного седла. Другой конец туго стягивал прочный бандаж из капроновой нитки.

– А это что за пряжка? – увидев, чем занимается Роман, переключился на него коневод.

Тот сказал, что эти пряжки пойдут на черезза, которые они дорабатывают. Так ребята называли длинные ремни, которыми перетягивали выюк. Когда через затягивали, прикладывалось значительное усилие, и обычная пряжка не выдерживала. А эта была сделана из круглого кольца, спаянного посередине. Кольцо обжимал гвоздь, служивший шпилькой.

– У тебя, Ромка, светлая голова. Далеко пойдешь, если не остановят. Такие люди нам нужны.

– Не я придумал. Это идея начальника, а я всего-навсего рядовой исполнитель. Дубовик сказал, что лучше потратить время сейчас, чем потом мучиться на перегоне – там будет не до выючек и череззов. Сам знаешь, когда идешь ходом, каждая остановка тянет время.

Костя повертел пряжку в руках, что-то про себя прикидывая, и, не выдержав, спросил:

– А где ты кольца взял? Я бы тоже от таких не отказался.

Роман, ревниво следивший за каждым движением коневода, сказал, что их достал начальник. Антон помнил историю с этими кольцами, но рассказывать не стал.

Каждую весну накануне выезда в поле в экспедиции проводилось списание полевого снаряжения, числящегося на подотчетниках. Двор, где проходило это мероприятие, больше походил на барахолку, чем на территорию серьезного учреждения. Все вокруг было завалено выцветшими драными телогрейками, резиновыми сапогами и прочим «добром». Наряду со старьем попадались вполне приличные вещи, которые могли бы послужить еще не один полевой сезон. Списывали их только потому, что подошёл регламентированный срок эксплуатации. Среди старья Дубовик приметил кольца, закреплённые на рваных конских сумках и на потрепанном брезенте. Он хотел их снять, но снабженец забрал и небрежно бросил в общую кучу.

– Не трогай! Когда спишем, тогда и будем разговаривать, – сказал он грубо.

Больше часа Дубовик прождал, пока официальным актом оформили списание всей «малоценки», а когда напомнил про кольца, старье стали забрасывать в грузовик, чтобы увезти

на свалку. Тем не менее он успел отрезать несколько колец. Но тут, словно коршун, подлетел снабженец и отчитал последними словами. Дубовик обиделся и решил его проучить.

Василий Козлов еще недавно сам ходил в поле техником-геологом, однако со временем понял, что настоящий геолог из него не получится, а такие же деньги он может заработать и в городе. Причем не сильно напрягаясь. Возможно, надавила молодая жена, выразившая свой женский каприз, а может, он дошел до этого сам. Так или иначе, а с «полями» Козлов завязал и переметнулся в кабинет. Работая в новой должности, новоиспеченный сотрудник АУПа решил получить высшее геологическое образование.

«В наше время диплом – это щит, которым можно надёжно прикрыться, – иногда проскальзывало в его разговоре, – в конце концов, неважно, что в нем написано, главное, чтобы он был».

Еще задолго до экзаменационной сессии он «растолкал» контрольные и, чтобы о нем не забывали, терпеливо напоминал. Однако в этот раз случилось непредвиденное: накануне сессии геологи вернули незаконченные работы.

– Крепкая пряжка, – одобрительно сказал Костя. – Ремень сгниет, а железка сто лет прослужит.

Глава 2

«Дикари» в загоне

Так и не дождавшись обеда, геологи попили чай и пошли смотреть лошадей. Поднимая клубы пыли, табун «дикарей» метался по загону. Дух свободы гнал одичавших за зиму животных вперед, заставляя искать выход из плена. На родных просторах лошади познали радость приволья и запомнили вкус сочной травы, а сейчас их загнали в клетку с пятачком вытоптанной до пыли земли.

«Только бы быстрее очутиться на воле, только бы поскорее вырваться из этой загородки. Быстрее, быстрее, быстрее...» – чудилось в топоте десятков сильных ног.

– Вот это сила! Носятся, как шальные, – восторгался Антон, замороженный необычным зрелищем. – Настоящие дикари! Не хуже мустангов из прерий Северной Америки. Посмотрите, их даже не сосчитать. Вот это мощь...

Его голос потонул в налетевшем вихре. Увидев приближавшихся людей, лошади заматались еще сильнее и неудержимым ураганом понеслись вперед. Пыль плотным серым облаком повисла над загонем, закрыв солнце. При малейшем передвижении животных серое облако сносило в сторону шедших ребят, накрывая плотным покрывалом.

– Смотрите, смотрите, один вырвался! Вон с той стороны городьбы бежит, – показывая на лес, закричал Стас. – Вот он снова рванул.

Какой-то рыжий конь быстро носился вдоль загородки. Как одержимый, он неистово рвался в загон и, не найдя прохода в изгороди, останавливался. Конь бился грудью в разделявшую преграду, пытаясь раздвинуть крепкие жерди, но они не поддавались. От отчаяния он неистово ржал. Дикие вопли отчаяния тут же подхватывали в табуне, и от этого казалось, что в загоне сотни взбесившихся дикарей.

– Он не вырвался, – пояснил Костя, шедший рядом со Стасом. – Это жеребец, мы его сами туда не пустили. Все лошади ходили в одном табуне, теперь ваших забрали, а его оставили – вот он и бесится. Никак успокоиться не может. За нами увязался. Тут у него есть один друг – Серым мы его называем. Он с ним два лета у таких же, как вы, геологов в одной связке ходил, привык. Когда гнали вам лошадей, всю дорогу его отгоняли, а он бежит за нами, как собака. Хотели поймать, черта с два – не дается... А когда лошадей стали в загон заводить, всё норовил туда проскочить. Наглый, скотина. Ничего не понимает. В этот момент он может растоптать любого...

– Во-о-о, интересно! – воскликнул Антон, увидев в этом невиданную привязанность. – Другие не идут, а этот жеребец сам туда рвется. Можно подумать, что ненормальный. Бывает же такое!..

– Вот, видишь, дружба какая! – Костя показал большой палец и улыбнулся. – Даже в неволю согласен идти. Это, конечно, хорошо, да только со своей дружбой он мешает нам работать – всех лошадей баламутит. Позже мы уведем его в табун, а сейчас пусть маленько побегает. Может, потратит дурную силу и успокоится.

Можно было возмутиться жестокостью коневодов, не жалеющих своих лошадей, однако все, кроме Антона, промолчали, приняв это, как должное.

– Зачем уводить, зачем всех мучить? Давай запускай его в загон, а вместо него забирай любого другого. Сам говоришь, что он ходил в одной связке с каким-то Серым. Ну и пусть с ним остаётся. Чего мудрить!

Костя на ходу повернулся к Антону, но неожиданно запнулся и чуть не упал. Пробежав по инерции несколько шагов, едва удержался на ногах.

– Нет, так нельзя. Это же жеребец, я тебе говорю. Он не даст вам работать, жизни от него не будет, всех лошадей разгонит. Сейчас он в силе и страшно злой. Вообще его надо бояться, а не звать к себе. Чего его жалеть...

Сгоряча он заругался. Мол, если не знаете, нечего городить чепуху.

– Но раньше-то он ходил.

– Ходил! Ну и что из этого. Тогда он был совсем молодым, да и то, скажу я тебе, геологи с ним так натерпелись, что мало им не показалось. Нет, его нельзя с собой брать, это я вам точно говорю.

– Тогда не мучайте, побыстрее угоните. А то ты меришь все на свой аршин.

Подойдя к загону, ребята остановились. Изгородь была сколочена из длинных, струганных топором лиственничных жердей, лежавших на толстых столбах, основательно вкопанных в землю. С одной стороны городьба тянулась вдоль леса, на краю которого разросся кустарник карликовой березки и розовыми цветами густо цвел шиповник. С другой – изгородь выходила на широкий алас, как коневоды называли поляну. На аласе, затерявшемся среди нарядных лиственниц, словно лесное озеро, молодая трава вытянулась почти по колено. Среди этой изумрудной зелени загон с его вытоптанной до пыли землей казался незаживающей язвой, поразившей здоровое тело. Пытаясь пробиться, там росли редкие хилые травинки.

Костя сдвинул в сторону две верхние жерди, перешагнул через нижнюю и попал внутрь. Здесь был вход, который от самой изгороди можно было отличить, только хорошо присмотревшись.

– Заходите, не бойтесь! – обернулся он и, махнув рукой, показал на открытый проход.

Кони табуном сбились в дальнем углу и затихли. Двенадцать разномастных лошадей, вздрагивая всем телом, жались друг к другу. Когда подошли к ним вплотную, слышалось частое тяжелое дыхание и храп.

«Боятся, – подумал Антон, – за зиму совсем отвыкли от людей. Да еще этот жеребец задал им взбучку. Выглядят, как настоящие дикари. Ох, нелегко их будет приучить!»

– Вот ваши лошадки, – подойдя к какой-то крупной лошади, сказал Костя. – Вообще вам повезло: все кони хорошие – многие уже ходили с геологами. Есть даже два верховых, а один больше года возил нашего бригадира.

Однако по их виду, по тому, как шарахались в сторону, трудно было сказать, что они ходили под седлом и даже близко видели людей.

– Видите, как отъелись, прямо лоснятся, – будто на рынке, коневод расхваливал свой товар. – Отдохнули за зиму! Теперь будут хорошо работать. Только сразу не напрягайте их сильно и много не грузите, пусть маленько привыкнут. – Неожиданно он повернулся к Антону и, будто вспомнив что-то важное, спросил: – А живых лошадей-то все видели? А то, может, вы даже не знаете, что это за звери и с чем их едят?

Тот спокойно выдержал его взгляд, понимая, что Костя бросил камень в его огород, и, собравшись, с достоинством ответил:

– Не впервой. Я работал и не с такими дикарями.

Антон не покривил душой: за его спиной был один короткий перегон, во время которого он успел узнать нравы необузданных лошадок.

– Ну и хорошо, – с заметным облегчением сказал коневод. – А то один год наших коней брала какая-то колымская экспедиция, сейчас точно не помню, кто такие, кажется, топографы. Так они даже не знали, с какой стороны к ним подойти. Просили наших коневодов, чтобы пошли с ними каюрами, да председатель не отпустил – работы было шибко много. Помнишь, Август, тех ребят?

Тот кивнул в ответ и, подумав, добавил:

– Кажись, года три назад они приезжали, а может даже четыре. Но это неважно. Магданцы это были. Хорошие ребята. А сколько снаряжения у них было! Просто немерено. Даже

что-то нам перепало. Вот здесь под самой городьбой они стояли, – он показал на лес, окружавший поляну. – Я тогда с огонёром¹ пригонял им лошадей, а ты позже приехал, когда все стояли в загоне...

– А как же они справились, раз ничего не умели? – перебил его Стас, с нетерпением поглядывая на Августа.

Увидав необузданных лошадей, он не на шутку испугался и теперь ловил себя на мысли, как же он будет с ними ладить. Коневод усмехнулся, в глазах блеснули озорные огоньки. Ещё при первой встрече он понял, что этот парень ничего не смыслит не только в лошадях, а такой же он и в жизни. Про себя он удивился, что этот «зелёный» пацан пойдёт на перегон.

– Да было дело, неделю продержали в загоне, все пытались с ними поладить, так сказать, найти общий язык, а те – ни в какую. Ведь они, как и ваши, только из табуна. К ним нужен особый подход, а топографы не то что с лошадьми не работали, а, похоже, никогда их даже не видели. Вот тебе и результат! В конце концов, они нашли выход из положения: как скормили весь овес, подогнали машину – и всех туда. А вот осенью, помню, они уже сами их пригнали. Видать, за лето поладили со своими конями. Вон, кстати, Атара с ними ходил, – Август показал на рыжую лошадь со светлым пятном на лбу, возле которой крутился Костя. – Этого старика каждый год кто-нибудь берёт. За это ему надо дать медаль, а он до сих пор ничего, кроме работы, не видел. В прямом смысле этого слова – пашет как сивый мерин. Тут, наверное, и мест-то таких уже не осталось, где бы Атара не побыл. Верховой! – У коневода это прозвучало так уважительно, как будто он говорил о заслуженном человеке, рядом с которым работал всю жизнь. – Отпусти узду – сам пойдёт и, главное, приведет туда, куда тебе надо. Умный, как человек, вот только не говорит.

– А что это за имя? – с ехидством спросил Стас, решив, что тот привирает. – Какое-то больно странное, я такого никогда не слышал. Отара, я знаю, это что-то вроде небольшого табуна овец, а вот Атара – непонятно. Тем более с ударением на последнем слог.

Улыбаясь, Август схватился за голову:

– Я не знаю, кто его так назвал, а вообще «ат» по-якутски – лошадь. Значит, можешь считать, что это хорошая лошадь.

Атара повернул голову и посмотрел на ребят. На морду, заросшую длинной шерстью, клоками свисала густая серая челка, которая когда-то была ровно пострижена, а теперь почти закрывала глаза.

«Хорош, ничего не скажешь! – про себя отметил Антон, слышавший разъяснение Августа. – Видно, старый, как мамонт. Даже спина прогнулась, наверно, и зубов уже не осталось. Тоже мне, хорошая лошадь! Как бы не подход на перегоне, а то потом хлопот не оберешься. Надо обязательно сказать Дубовику».

Лошади стояли, тяжело дыша, но теперь они уже не храпели как прежде. Какого-то бурого коня с белым пятном на груди, стоявшего рядом с Атарой, сильно сдавили. Он дергал головой, пытаясь отодвинуть обидчика, но тот, не обращая на него внимания, спокойно поглядывал по сторонам. Так и не сумев вырваться, конь куснул соседа за холку.

– Это Элэмэс. Не понравилось ему такое обращение, – переступив с ноги на ногу, сказал подошедший Костя. – Элэмэс – по-нашему значит «пестрый». Характер свой показал. Вон, мужики, посмотрите, – кивнул он на городьбу, к которой прижимались лошади, стоявшие дальше, – тот самый Серый, о котором я вам говорил. Его сейчас, правда, плохо стало видно – молодой загородил. Да вон он, серой масти, – видя, что Антон не понял, о ком он говорит, снова показал Костя. – Их тут трое похожих. Ну, я вижу, ты усек. А этот самый рыжий, который его закрыл и сильнее всех трясется от страха, никогда еще не работал, и имени у него нет. Его нужно учить. Я думаю, из него хороший конь получится, видите, какой он крупный и сильный.

¹ Огонёр – старик (як.).

Таких у нас немного, в основном все низкорослые. Когда поймает, рассмотрите поближе. Но с ним надо обходиться очень осторожно – шибко брыкается. Это у него, наверно, от отца. Как теперь говорят, заложено на генетическом уровне.

Стас, ловивший каждое слово коневодов, очень удивился:

– Что, вы знаете всех лошадей или на ходу придумываете?

В ответ Костя только улыбнулся, а потом стал называть по именам. В эту минуту Стас вдруг подумал, что коневоды настоящие профессионалы, постигшие все тонкости своей работы, а он, городской житель, о селе ничего не знает. В душе даже порадовался, что вырвался из привычного круга общения. Не попади он сюда, не увидел бы другую – совсем незнакомую ему жизнь, которой жили эти ребята.

– Вот Шестёрка, Маган, Булат, Сокол, – показывал коневод, попутно рассказывая о каждой, – а это Тойон. О нем особый разговор.

С такой мощью, силой и красотой, которая была у лошадей, Роман тоже встретился впервые, поэтому, кроме восхищения, на ум ничего не приходило. Слушая разговор ребят, он тихо стоял в стороне, но после Костиных слов не выдержал:

– И как только вы их отличаете? Для меня они все на одну морду, а тем более сейчас, когда они так сгущились. Если честно, у некоторых я и морды-то не вижу.

Коневоды переглянулись и, ничего не ответив, засмеялись. Переговариваясь по-якутски, они с сожалением смотрели на своих подопечных, которых передавали в ненадежные руки. Теперь от этих молодых ребят зависело, увидят ли лошадей осенью, когда их должны будут пригнать назад.

– Скоро и вы будете всех знать не хуже Кости и Августа, – сказал Антон, понявший, что от увиденного ребята еще не пришли в себя. – Когда целыми днями с ними занимаешься, не захочешь – zapomнишь. Это на первый взгляд они, как близнецы-братья, похожи друг на друга, а присмотришься – ничего общего. В прошлом году я так же, как вы, сначала их путал, а потом даже знал, кто чем дышит. Кони, как люди, все со своим характером: один покладистый, другой упрямый, а третий ленивый. Хорошо бы их сразу понять, вот только как разобраться? По-моему, в этом главная проблема. А когда поймешь, лошадиную энергию можно направить на пользу общему делу.

Такие мысли стали одолевать Антона после первого знакомства с лошадьми, когда его, молодого специалиста, первый раз отправили помогать перегонять лошадей к месту полевых работ.

«Может, я сгустил краски, но в целом все правильно. Надо, чтобы мужиков это взяло за сердце, тогда быстрее разберутся что к чему».

– Ну что, Антон, как лошадки? – видя, что тот задумался, спросил Костя. – Нравятся? Для вас мы выбрали самых лучших. Откровенно говоря, ваш начальник всех достал.

В душе Антон улыбнулся, подумав, сколько сил приложил Дубовик, чтобы получить этих «самых лучших» лошадей.

– Да с виду вроде все нормальные, – глядя Косте в глаза, сказал он удовлетворенно, – только сильно дикие. А вот старик мне совсем не приглянулся, забыл, как его звать. Какой-то он весь доходной, больно изработанный. Боюсь, как бы не сдох по дороге. Его надо заменить.

«Под шумок он хочет нам подсунуть неликвид. Небось думает, что эти городские олухи ничего не поймут, а тем более сейчас, когда пребывают на седьмом небе от счастья. Нет, дорогой, мы не лыком шиты. Это магаданцам ты мог втирать очки – этот номер у тебя не пройдет».

Вдали от человеческого жилья больных животных надо как-то лечить, а если ты не ветеринар, могут возникнуть проблемы. В итоге пострадают все.

– Что ты, что ты, – замахал руками Костя, – Атара еще нас с тобой переживет, это очень хороший и сильный конь. Я думаю, твой начальник будет доволен.

– Как знать. У Дубовика на всё своё мнение. Его на мякине не проведёшь.

Глава 3

Геолог Дубовик

Всю долгую зиму красный столбик термометра будто остановился возле отметки минус пятьдесят, и город потонул в густом морозном тумане. Сквозь молочную пелену еле проби́вался белый диск солнца, низко повисшего над горизонтом. Косые лучи едва касались промерзшей земли и, не согрев, затухали в сумерках короткого зимнего дня. Старожилы говорили, что раньше было теплей и морозы переносились легче, однако местная газета этого не подтверждала. Казалось, жгучим морозам не будет конца, но незаметно потеплело, туманы растянуло. По утрам небо еще закрывала легкая морозная дымка, но через нее уже просвечивало оранжевое солнце. Первыми дыхание весны почувствовали городские воробьи. Радуюсь новому дню и приближению долгожданного тепла, они громко галдели, будто хотели перекричать друг друга.

В это время в экспедиции начиналась обычная суета: на полевые работы собирались геофизики. Им не нужны были ни коренные обнажения, радовавшие геологов-съемщиков и стратиграфов, ни многочисленные пробы – их заменяли приборы, которые чувствовали то, чего никто не мог увидеть глазами. После отъезда геофизиков в коридорах экспедиции ненадолго становилось свободней и тише. А когда лучи весеннего солнца пригревали все ласковей и возле универмага, как первые грачи, прилетевшие с юга, появлялись не по сезону загорелые дяди с ранними цветами, экспедицию начинало трясти. В это время она напоминала потревоженный муравейник. Это весна звала геологов в поля.

В течение рабочего дня все пути геологов пересекались в дальнем закутке на лестничной клетке. Здесь собирались на нескончаемые перекуры, бегали и суетились, попутно решая вопросы со снаряжением и рабочими, утрясали с геологическим заданием и транспортом. А когда разговоры достигали наивысшего накала и дым от выкуренных сигарет, висевший сизым облаком, медленно растекался по всему коридору, проникая в рабочие кабинеты, выскакивал кто-нибудь из женской половины и, пытаясь перекричать говоривших, просил немедленно прекратить безобразие. Ненадолго устанавливалась тишина, но через короткое время появлялись те же лица. Больше всего говорили о полевых буднях и предстоящей работе. Кто-то с юмором рассказывал о толстом, как бревно, таймене, которого удалось вытащить на берег какого-то неведомого притока горной реки. А кто-то делился своим богатым опытом работы со студентами-практикантами...

В этом котле постоянно «варился» Александр Дубовик – высокий, по-спортивному подтянутый, крепко сложенный молодой мужчина лет тридцати – тридцати пяти. В чертах его лица угадывалась неординарность, упрямство и решительность, а нос горбинкой придавал его внешности мужественный облик. В последние годы он рано выезжал в поле, поэтому забот, не дававших жить спокойно, хватило бы на многих.

На долю Дубовика ежегодно выпадал перегон лошадей к месту полевых работ геологоразведочной партии. Работа с одичавшими за зиму животными, каких обычно получали геологи, требовала особой сноровки. Этого не преподавали ни в университете, ни в каком-то другом учебном заведении, поэтому до всего приходилось доходить самому. Дубовик был неплохим психологом и дипломатом, благодаря чему находил «ключик» как к рядовому коневоду, так и к заслуженному председателю совхоза или всеми уважаемому зоотехнику. Без этого можно было потерять драгоценное время и вместо сильных коней получить дохлых кляч, которые упадут по дороге или не смогут работать в поле. Взятых животных надо было приручить и подчинить своей воле. В каждом из них была спрятана огромная сила, которая, как взведенная пружина, только ждала момента, чтобы вырваться наружу. Дикари всячески сопротивлялись, не желая

уступать ни в чем. Приходилось ломать их характер, привычки – заставлять делать то, чего они не хотели.

«Скоро нужно вылетать, а у меня еще ничего не готово, – думал он, рассеянно слушая рано ссутулившегося молодого человека в массивных роговых очках, – и главное, нет ни одного рабочего. Впрочем, откуда им взяться? Сами же они не придут, их надо где-то найти. На студентов пока рассчитывать не приходится: у них сессия еще даже не начиналась. А вообще для перегона подойдет не каждый: тут нужны крепкие ребята. К сожалению, студент сейчас пошёл не тот, в основном, конечно, слабачки. Да это и понятно: живут с родителями в благоустроенных квартирах или в таких же общежитиях, где ничего не нужно делать. Порой дома не найдёшь даже молотка, а уж про пилу или топор можно не спрашивать. Но самое неприятное, многие не занимаются спортом. Значит, к трудностям не подготовлены. Как их брать в поле?! Вообще и таких нет, правда, на примете был один неплохой парень. Ходил однажды в поле. Хотел приехать, но как узнал, что нужно снова гнать лошадей, написал “не могу”. Хорош гусь!.. Ему проезд оплати, робу выдай, а он здесь будет прохлаждаться: на перегон, видите ли, не хочет идти. Да в таком случае лучше взять прошлогодних бичей или под магазином найти новых. Они будут работать не хуже гастролёра. Только их надо вовремя вытащить из города. Но когда новых-то искать – времени в обрез. Совсем некстати еще досрочный отчет шефа: ни раньше, ни позже, а именно сейчас, когда нужно готовиться к полю. На перекур выходишь, волком смотрит, как будто я у него что-то украл, а про подготовку к перегону даже слушать не хочет. “Я, – говорит, – знаю, у тебя с прошлого года всё готово. За три дня соберешься”. Попробуй соберись. Был бы помощник, тогда другое дело. Но где его взять? Раз у шефа отчёт, значит, все пашут на него, никого он не даст...»

Дружный смех вернул Дубовика в действительность.

– ... Потом мы у него еле отобрали. Всю шкуру испортил. Отогнали, а этот паршивец жалобно скулит, прямо за душу берет. Подошел я к нему, смотрю, весь нос кровоточит.

«Опять он свои байки рассказывает. Тут Мишка мастак! Это у него хорошо получается, – крепко затянувшись сигаретой, подумал Дубовик. – Вон как слушают! Даже рты пооткрывали. По-моему, он и в нормальное поле никогда не ходил – все больше по разведочным посёлкам отирается. В производственной документации и в кернохранилищах фактуру собирает. Видите ли, у него такая тема: чтобы написать отчет, надо перелопатить керн по старым скважинам и заново опробовать. Можно подумать, что геологи не проанализировали его раньше. Зачем-то, понимаешь ли, пробурили скважины на сотни метров в глубину, а керн не изучили. Но так же не бывает! С Мишкиной работой справился бы и техник. Ну что это за поле для геолога! А вот пахал бы он, как я, тогда бы пел другие песни. Тоже мне фон-барон!»

– Веревка в первый раз была гнилая, – на мгновение дошло до сознания Александра, – вот он и ушёл за нами.

«Кстати, Мишка напомнил: где-то нужно копытить воровую верёвку. На складе ни метра. Начальник отдела снабжения смеется. Говорит: “Мы живем в век атома, давно космос покорили, а вы, как наши предки, всё с лошадьми не можете расстаться. Да на черта они вам! На них скоро и сбруи-то не будет”. Ему поддакивает Васька, теперь он Василием Филипычем стал. Как же иначе: человек при должности. Таких у нас уважают, вдруг чем-нибудь облагодетельствует, поспособствует, чтобы отписали ящик тушенки или что-нибудь такого, чего не купишь в магазине. Однако с Васькой это не прокатит – он еще тот хмырь, думает только о себе. Правда, после того, как сессию завалил, спустился на землю, урок пошёл на пользу. Но всё равно дерьмо из него просто прёт. Говорит, когда упряжь начнем шить сами, вспомним о нем. Мужик от скромности не умрёт, как будто снаряжение получает только для нас одних. Ну уж нет, о тебе мы вспомним, и даже раньше, чем ты думаешь. На складе нет веревки, и никто даже не обещает. Петруха, как начальник отдела снабжения, всё списывает на фонды. Говорит: “У меня нет фондов, поэтому сделать ничего не могу. Если нужно, ищи сам”. Вот это

подход! А потом в акте готовности к полевым работам напишет, что из-за отсутствия вазовой веревки отряд к выезду не готов. Случись что в поле, с него взятки гладки. Ничего не скажешь, со всех сторон себя прикрыл. – Дубовик про себя выругался и крепко затынулся. Подумал о том, что после работы надо забежать в магазин за хлебом, но тревожные мысли не покидали. – Логика у всех снабженцев одинаковая: тебе надо, ты и ищи. А где искать-то? На ум ничего не идет. В магазинах вазовую верёвку не продают, на ведомственных складах пусто, на месте перегона также не достать – свои геологи тоже работают с лошадьми. Что делать? Остатков прошлогодней едва хватит на пару связок. Это же не бельевая веревка, которая лежит в хозяйственном магазине. Да и надо немало: тут только на один перегон пойдет килограммов десять – пятнадцать, а ещё работать все лето. Нет, искать надо здесь, а то можно сорвать перегон и подвести всю партию. Попробую пройтись по старым каналам – может, помогут. Не помешал бы и капроновый фал. Для недоуздов лучше не придумаешь...»

– ...Просыпаюсь я утром от жуткого воя над ухом, – услышал Дубовик рассказчика. – Ну, думаю, для полного счастья нам только волков не хватает. Стал будить Ивана – он ближе всех ко мне лежал. Толкаю изо всех сил – ничего он не слышит. Промычал что-то невразумительное и отвернулся. Мол, не мешай мне спать. Ничего не скажешь, крепко спит Ваня – хоть за ноги вытаскивай, не проснется.

Улыбаясь, геологи повернулись к полному, расплывшемуся в добродушной улыбке парню, стоявшему рядом.

– Не вылезая из спальника, тихонько взял я свой карабин, – продолжал Михаил. – Он всегда со мной рядом под стенкой палатки, и думаю, сейчас я тебе покажу, как пугать спящих людей. Будешь знать наших.

Дубовик прислушался и теперь не пропускал ни слова.

– Обычно карабин я оставляю заряженным, но всегда ставлю на предохранитель. А в тот раз, как пришли из маршрута, патрон из патронника вытащил, курок спустил, а на предохранитель не поставил. Пусть, думаю, пружина отдохнет, а то в последнее время от осечек замутился. За палаткой вой неожиданно прекратился, наступила жуткая тишина. Только слышу, как сердце у меня стучит, и, так громко, что мне кажется – готово выскочить из груди. Аж в ушах отдаёт и в висках колотит. Стал я потихоньку взводить затвор. Ну, думаю, как патрон в патронник загоню, выстрелю прямо через палатку. Покажу этому хищнику, как нападать на геологов. Тут промазать просто невозможно – через светлую стенку я даже вижу очертания волка. Он стоит рядом и прислушивается, видно, чувствует свой конец. Нас отделяют считанные сантиметры. Осторожно досылаю патрон в патронник... – Михаил замолчал и, набрав полную грудь воздуха, резко выдохнул. – При этом затвор чуть-чуть все-таки лязгнул. У меня мурашки пробежали по коже. Ну, думаю, все, сейчас убежит. И что вы думаете? Почти сразу по ушам резанул протяжный визг. Да какой-то знакомый и совсем не волчий. А мой палец уже лежит на курке, я его почти отжал, осталось только спустить. И в этот момент меня как будто кто-то остановил, не дал взять греха на свою душу. Я не выстрелил. Присмотрелся, вижу – никакой это не волк, а собака. Прыгает, места себе не находит. Спронья я сообразить не могу, думаю, откуда ей тут взяться: ведь до ближайшего посёлка не меньше двадцати километров. Потом меня словно озарило: так это же наш Барсик. Позвал, а он как завизжит, и, вижу, тыкается мордой в застёгнутую дверь палатки. Следом лапами стал скрести брезент.

«Молодец, Мишка, – приходя в себя, подумал Дубовик, – не запаниковал, а ведь мог бы своего пса подстрелить. Ну и нервы у мужика! А с виду вроде дёрганый, как будто от всех отбивается. Видно, сильно достают, мужик он вообще-то толковый».

Этого парня Александр недолюбливал, считал везунчиком. По жизни все ему доставалось легко и незаслуженно везло. Теперь он посмотрел на Михаила другими глазами и словно увидел впервые. Не дожидаясь очередного рассказчика, Дубовик пошёл в сторону своего каби-

нета. Как многие люди высокого роста, он ходил пружинистыми шагами, по-армейски размахивая руками и припрыгивая на ходу.

«Начну, как всегда, со списка, потом составлю заявку на получение нового снаряжения и инвентаря...»

В конце дня длинный список, написанный размашистым почерком, лежал на столе. Первым номером там значились полевые рабочие.

Глава 4

Непростая задача

В поисках рабочих Дубовик решил пойти проторенным путем, как делал каждый год. Но в этот раз не сработало: начальник отдела кадров, только услышав о проблеме, отрицательно покачал головой:

– К сожалению, пока никого нет, и в ближайшее время не предвидятся. На прошлой неделе подходили двое – сейчас оформляются к Соболеву на горные работы. – И будто в подтверждение сказанному показал на стол, где лежали потрепанные трудовые книжки. – Александр Федорович, в первую очередь мы укомплектовываем его отряд, а вам потом дадим студентов. Через месяц, я думаю, кто-нибудь подъедет. Ждите.

От досады Дубовик чуть не хлопнул массивной дверью просторного кабинета, заставленного сейфами и стеллажами.

«Как всегда, надо рассчитывать на собственные силы».

В каждой партии были «штатные бичи», постоянно ходившие в поле. Где-то перезимовав, как перелетные птицы, весной они снова появлялись в экспедиции. Такая жизнь затягивала и продолжалась не один год. После суровой зимы даже самая тяжелая работа казалась отдыхом на природе. Идя в поле, кто-то думал, что вдали от городов и поселков навсегда завяжет с пьянкой, а кто-то хотел отдохнуть от непутевой жизни. Но кончалось короткое северное лето, геологи возвращались домой, а у бичей все повторялось сначала.

Два старых кадра, узнав о предстоящем поле, еще зимой просились снова. В прошлом году они изрядно гульнули после расчета и, посчитав, что им не доплатили, приходили выяснять отношения. Кое-как их успокоили, и, хотя на следующий день они извинились, неприятный осадок остался надолго. Тешась надеждой, что, может, повезет, после работы Дубовик поехал в аэропорт.

Приезжих узнать было несложно. На улицах этого северного города зимой они ходили в валенках, в которых было холодно. Но чаще всего гости носили модные сапоги или ботинки. Замерзшая обувь при каждом шаге стучала набатом по утопанному снегу. Резиновая подошва на морозе становилась «железной» и, даже самая толстая, обычно не выдерживала. Реже встречались «южане», которые своим видом напоминали полярников с дрейфующей станции или стоящего на посту часового. Надвинутую на глаза лохматую шапку наполовину закрывал высокий воротник свисавшего до самых пят овчинного тулупа, из-под которого выглядывали огромные валенки. А ранней весной, когда морозы стояли за тридцать, прилетевшие с «материка» люди ходили в легких куртках и даже в пиджаках. Поеживаясь от холода, они штурмовали местные магазины в надежде поскорее пополнить свой гардероб. А вот летом и ранней осенью приезжих узнать было сложнее, но, внимательно присмотревшись, иногда удавалось. И совсем просто было в аэропорту.

В здании аэровокзала оказалось гораздо оживленней, чем ожидал Дубовик. На двух этажах повсюду толкался народ. В одном углу мужики играли в карты, за газетным киоском молодые люди тихо пели под гитару. От долетевшей песни повеяло свежестью и бескрайним простором.

«Романтики! Кроме запаха тайги, им ничего не надо. С такими работать одно удовольствие, только ничего житейского они, как правило, не могут. Приходится всему учить. Зато без серьезных претензий к жизни: их всё устраивает».

Шум, стоявший в зале ожидания, временами забивал громкий голос информатора, вырывавшийся из двух мощных динамиков, висевших в противоположных концах аэровокзала. С

мягким украинским акцентом девушка объявила о задержке нескольких рейсов, случившейся из-за нелетной погоды.

«Ого, закрыт весь Север! И, кажется, давно. Вот так новость! А народу-то сколько скопилось – негде яблоку упасть! Не хотелось бы злорадствовать, но мне это только на руку. Может, повезёт...»

Однако все оказалось не так просто, как показалось сначала. Александр обошел ожидавших внизу, поднялся на второй этаж – и все без толку. Вначале его внимательно слушали, потом начинали расспрашивать, а как только узнавали о зарплате, наотрез отказывались.

– Такие деньги я мог бы заработать и дома, – чаще слышал он в ответ. – Стоило ли из-за этого ехать к черту на кулички.

Были и такие, кто считал, что им должны платить намного больше только за то, что они забрались в такую даль.

– Дураков на белом свете хватает, так что поищи в другом месте, – сказал ему какой-то разбитной парень, летевший домой.

«Вот народ пошел! Им этого мало. Все рвут в Заполярье, где коэффициент побольше и платят совсем другие деньги. Там, между прочим, тоже надо вкалывать...»

Обойдя залы ожидания, Дубовик уже стал сомневаться в успехе своего мероприятия, когда увидел светловолосого парня, дремавшего возле радиатора. В ногах у него примостился новенький рюкзак.

«Видать, турист. Только рановато приехал – до середины мая сюда лучше не соваться. Тут не материк, ещё может так закрутить, что только держись, хотя уже давно повернуло на лето».

Дубовик толкнул парня. Тот открыл глаза и безмолвно кивнул. Волосы, зачесанные назад, упали на высокий лоб, губы слегка дрогнули, на подбородке появилась ямочка.

– Не хочешь пойти в поле с геологами? – не очень надеясь на удачу, заученной фразой спросил Дубовик.

Парень нехотя пошевелил губами и невнятно пробормотал, что как раз туда собрался. Для пущей убедительности он показал на свой рюкзак и потянулся, стряхивая остатки сна.

– Не видишь, что ли? Или, может, я не похож на геолога?

Александр насторожился и, как охотник, ставший на след и почувствовавший близкую добычу, чтобы не спугнуть удачу, сказал как можно доброжелательней:

– Похож, похож. И рюкзак у тебя соответствующий, мечта любого туриста. Даже у меня намного меньше. Только я не понял, куда ты направляешься?

Рядом с ними заплакал маленький ребёнок, молодая женщина в белой вязаной кофточке стала его успокаивать. Когда ребенок замолчал, парень сказал:

– В Северный, в геологоразведочную экспедицию.

– А почему именно в Северный? Можно было бы куда-нибудь поближе, где теплее. Или там пообещали больше?

Парень покосился на стоявшего перед ним верзилу, вероятно, решая, стоит ли продолжать начатый разговор или сказать, чтобы тот отстал, и отвернуться к стене. И, видно, решившись, поднялся с пола. Он доставал Дубовику до носа, но был широкоплеч. На нем были черные вельветовые брюки и коричневый свитер под горло. В глазах заиграли озорные огоньки.

– Понимаешь, – начал он другим тоном, – я тут в разные экспедиции отправил письма, написал, что хотел бы у них поработать, а ответили только из здешнего геологического управления. Посоветовали обратиться в Северную экспедицию, где были вакансии. Те сразу мне прислали вызов. Вот посмотри.

Покопавшись в бумажнике, он протянул свернутый вчетверо листок бумаги. Дубовик развернул. На фирменном бланке, заверенном двумя подписями, было напечатано, что экспе-

дия приглашает Сазонова Романа Александровича для работы в полевой партии в должности рабочего четвертого разряда.

– Север хочу посмотреть, это моя давняя мечта, – убирая бумагу, сказал тот спокойно. – Знаешь, я уже собрался было сразу после армии, да не получилось – мама заболела. Да и то... – Он хотел что-то добавить, но на полуслове остановился, видно, передумал. – Вот только сейчас выгорело с поездкой. Прикинул, если не использую свой шанс, то это надолго, а может даже навсегда. Когда на одном месте долго сидишь, быт затягивает, а там ещё девочки... Ну, словом, с насиженного гнезда не хочется срываться. Сам понимаешь, человек быстро привыкает к хорошему.

Это Дубовик знал по себе. После продолжительного отпуска на юге возвращаться на Север всегда не хотелось. Находились какие-то причины, из-за чего можно было бы ещё остаться, но каждый раз он решительно их отметал.

– А ты откуда сейчас, прямо из Перми, что ли?

Переступая с ноги на ногу, парень подтвердил. И по тому, с каким достоинством он ответил, Дубовик понял, что перед ним именно тот человек, которого он хотел бы видеть в своём отряде.

– Ну, это, конечно, не ближний свет, но в принципе не совсем уж далеко, – заключил он глубокомысленно. – У нас тут, между прочим, народ отовсюду, так что географией никого не удивишь.

На лице парня появилась улыбка. Было видно, что он ему доверяет.

– По аэропорту вижу. Вот только не повезло с погодой. Думал приехать пораньше, чтобы до холодов подольше поработать, да, как назло, застрял. Уже сижу целую неделю. Вообще-то, откровенно говоря, три дня я пожил в гостинице, а теперь вот...

Услышав о непогоде, Дубовик мысленно себя поругал, что не обратил внимания на метеосводку. Сюда можно было прийти раньше.

«По местному радио давно вещают, что на Северах выпала месячная норма осадков. Значит, нелетная погода. Ну как же я так оплошал?!»

– И еще неделю просидишь, как пить дать, – похлопал он его по плечу. – Радио-то ты хоть слушаешь?

Парень развел руками. Какое, мол, тут радио. Самому бы выжить.

– Понятно. Отстал ты немного от жизни: с океана прорвался циклон. По всему северо-востоку, от Камчатки до Западной Якутии, снегопады, метели и похоже, что просветы не предвидятся. Такая погода, как правило, надолго. Даже если что-нибудь изменится в ближайшие три-четыре дня, то вас всё равно будут вывозить неделю. Видишь, сколько народу скопилось? – Он показал на бурлящий, как водный поток, зал ожидания. – А Северный, скажу я тебе, капризен, как избалованная женщина: только горы немного затянет, аэропорт закрывают, и жди у моря погоды. Весной и осенью туда улететь – дохлый номер. Так что не думай долго: давай ко мне. По крайней мере, ты не будешь томиться в ожидании самолёта.

Тот заморгал глазами и в упор посмотрел на Александра.

«Этот длинный настойчивый мужик. Я вроде русским языком ему сказал, что еду в Северную экспедицию, так нет же: он снова за своё».

– Не понимаю. Я кажется...

– Да что там понимать. Я хочу тебя избавить от лишних мучений. Предлагаю пойти со мной в поле.

– А-а, теперь, кажется, кое-что проясняется, – сказал он так, как будто только понял, чего от него хочет этот длинный.

– Мне как раз не хватает одного человека. Работа, скажу тебе, не пыльная и очень интересная. А места там какие! Ты просто закачаешься. Такой красивой природы ты нигде не увидишь. Одним словом, не пожалеешь.

Роман мечтал увидеть неповторимую северную природу, какую показывали в фильмах, побродить с ружьём по тайге, порыбачить в горных реках. И только из-за этого, а не ради денег, бросив дом, сорвался на север.

– У тебя, наверное, и с деньгами на подсосе? – сочувственно спросил Александр, решивший додавить парня. – Как-никак неделю тут болтаешься. По себе знаю, в таких поездках расходы дикие.

– Да, с деньгами, честно признаюсь, не густо.

– Короче, не думай долго, бери рюкзак и пошли со мной. Потом спасибо скажешь. Хуже, чем в Северной экспедиции, у меня не будет.

Парень замолчал и уставился в стенку. Перед глазами возникла мама, отговаривавшая от поездки, а следом за ней появилась Наташа, последнее увлечение, с которой он познакомился перед отъездом. Обе женщины говорили почти одно и то же: предостерегали от обмана и просили не доверяться незнакомым людям.

«Чем черт не шутит, может, согласиться? – отбросив секундное замешательство, подумал он. – Но у меня же в кармане билет. Ну и что! Фиг с этим билетом, – мелькнуло в голове. – Ну как это фиг, перед людьми неудобно, они меня там ждут. Вызов сделали – значит, я им нужен. Да мало ли кого они вызывают, обо мне, может, давно уже забыли, а я тут страдаю, – опять возникли сомнения, с которыми он быстро справился. – Получается, напрасно людям голову морочил, сам просил, письма писал. В то же время я никому ничего не должен: договор не подписывал, денег не получал, правда, проезд обещали оплатить. Вообще, я думаю, они найдут себе...»

– Я тебе ещё раз говорю, лучше, чем у нас, нигде не будет, – прервал его размышления Дубовик. – Извини, мы, кажется, не познакомились. Александр, – протянул он руку.

– Роман, – крепко сжал ее парень. Не ожидавший такой силы, Дубовик даже скривился.

– Ого-о, здоров ты, брат, оказывается.

Роман неожиданно смутился и покраснел. Постоянные занятия эспандером дали свои плоды. О силе своих рук он хорошо знал и старался себя контролировать, но тут забыл.

– Да так, армейская закваска, – не то оправдываясь, не то извиняясь, выдал он из себя. – Я в пограничниках служил, а там без тренировок ты не боец. Да и дома старюсь поддерживать форму.

– Что я могу тебе сказать – молодец! Такие люди мне нужны. Кстати, работать мы будем в бассейне Индигирки. Места там, можно сказать, прямо заповедные: отличная охота, рыбалка, осенью грибов полно, ягод – ешь, не хочу. Словом, без преувеличения, – сплошная экзотика и разумный экстрим.

Дубовик так увлёкся, что на какое-то время даже потерял нить разговора. Рассказывая, он преобразился и даже не заметил, как стал размахивать руками. Глядя на него, Роман заулыбался.

– Интересно.

– А я что говорю. Вдобавок ко всему ты согласишься Селенях. Я думаю, не каждый может похвастаться тем, что был почти на самом полюсе холода. Ходить вот, правда, будем много, но работа, прямо скажу, нетяжелая. Само собой разумеется, и зарплата нормальная. С лошадьми никогда не приходилось дело иметь?

Роман отрицательно покачал головой. Лошадей он видел только в кино, да и то в основном про гражданскую войну и период коллективизации.

– Не беда. Парень, вижу я, ты здоровый, голова на месте, так что всё в твоих руках. Познакомишься и научишься с ними работать. Когда-то я был таким же, как ты.

Проходивший мужчина задел Дубовика сумкой, тот оступился и чуть не упал.

– Давай бери рюкзак, и пойдем сдадим билет, – одернув брюки, сказал он решительно, – нечего воду в ступе толочь. Потом рванём ко мне в общежитие, а завтра с утра будешь оформляться. Медицинскую справку, я надеюсь, ты привёз?

Роман подтвердил. Об этой справке он услышал от Наташи, посоветовавшей дома пройти медкомиссию.

– Ну, тогда с тобой проблем не будет. Завтра уже будешь работать. Как оформишься, сразу получишь аванс. А сейчас я могу дать взаймы. Сколько?

Видно, что-то соображая, парень молчал.

«Шутки в сторону, надо принимать решение. Он говорит, что мне дадут зеленую улицу, завтра уже буду работать. Ну куда уж лучше. А вдруг он меня кинет? Сейчас соловьем заливаются, а приду устраиваться, по каким-нибудь причинам откажут. Поджав хвост, придется рвать назад. А чего я теряю?»

Привычным для засидевшихся пассажиров голосом информатор объявила об отмене и задержке рейсов, и в здании аэропорта поднялся шум. Рядом заругался мужчина, сидевший на чемодане, ему ответила молодая женщина в вязаной кофточке, а следом, в довершение ко всему, заплакал ребёнок.

– Ну, вот слышал. По метеоусловиям отложили все северные рейсы до утра, а потом...

– Пошли, я согласен, – наклоняясь за рюкзаком, сказал Роман.

Глава 5

Неожиданное решение

Лёгкий Ан-2 мягко качает. Потом начинается болтанка, от которой слегка подташнивает. Самолет скрипит как несмазанная телега, и кажется, что он не выдержит перегрузок и вот-вот развалится. В иллюминатор, насколько хватает взгляд, видны горы, затянутые голубоватой дымкой. Иногда самолет проваливается вниз, захватывает дух, глаза лезут на лоб – впечатление такое, будто он падает в глубокую бездонную яму. Но вот глаза упираются в голубое небо с быстро пролетающими облаками, значит, пронесло. Антон снова возвращается на землю, вздыбленную крутыми горами. Местами они покрыты только начинающим зеленеть лесом, который забирается высоко по крутым склонам глубоко врезанных распадков. Постепенно лес редееет, и выше лежат только голые камни.

«Никак не думал, что придётся лететь к Дубовику. Даже в мыслях не было, что снова пойду на перегон, – глядя в иллюминатор, думал Антон. – Дома вроде всё решили, и даже одобрили на научно-техническом совете экспедиции план полевых работ. Казалось бы, всё рассчитали до мелочей – и вот тебе на: у Дубовика что-то не срослось, а меня, как мальчика на побегушках, бросили на прорыв. Еще вчера ни о каком перегоне не хотелось даже думать, потому что это меня не касалось, а сейчас это свершившийся факт. Все, как белые люди, полетят на вертолёте, а я с Сашкой поплетусь на своих двоих. Надеяться на то, что мы пойдём верхами, не приходится – геологам дают таких дикарей, каких свет не видывал. Как будто их готовят специально, чтобы на досуге было о чем вспоминать. Но лошади – проблема Дубовика...»

К Дубовику у него было какое-то двойственное отношение. С одной стороны, он видел в нем сильного организатора, способного поднять и повести людей «на баррикады». Будь то рядовой субботник, спортивные соревнования или даже рукопашная. Не сплеховал бы он и в штыковой: бросился бы в самую гущу и своим примером показал, как надо бить противника. Дубовик брался за решение, казалось бы, нерешаемых задач, и, к удивлению Антона, у него все получалось. С другой стороны, за претворением в жизнь этих проблем он забывал о главном – о том, чему учился и ради чего оказался на севере. Решая второстепенные задачи, Александр попусту растрчивал энергию и постепенно уходил от своей профессии. Поэтому, по убеждению Антона, он не смог полностью себя реализовать в геологии, не стал сильным специалистом, разбиравшимся в чем-то одном лучше других. В отличие от него у Дубовика не горели глаза от решения какой-то геологической проблемы. Он не просиживал вечерами над завершением отчета, не корпел в выходные дни над научными статьями, а посвящал себя очередной «забаве».

– Работой надо заниматься в рабочее время, – видя чрезмерное рвение молодого геолога, говорил он Антону. – За границей за такую инициативу тебя не погладили бы по головке. Скажи бы, что не справляешься со своей работой, а во внеурочное время расходуешь электроэнергию и другие ресурсы. Тем самым приносишь фирме убытки. И наверняка выставили бы на улицу.

Призванием Дубовика было другое. Он был своим человеком в профкоме и парткоме, выступал на всех собраниях, заседал в каких-то комиссиях, о существовании которых Антон даже не подозревал. Эта сторона жизни его привлекала больше, чем однообразная рутинная работа с пробами, результатами анализов и составлением отчета. Родился бы он на пару десятилетий раньше, возможно, стал бы трибуном революции или каким-нибудь партийным деятелем. А сейчас без чьей-то сильной руки подняться «наверх» было непросто. Но, видно, очень хотелось, и он уверенно шел к своей цели. Правда, видел он себя где-то в стороне от того, чем занимался в этой экспедиции. По-видимому, это произошло оттого, что все мало-мальские

руководящие должности были заняты такими же молодыми и амбициозными, как он, а может, со временем понял, что это не его.

Было у Александра то, чего так не хватало Антону, то, что достается от природы или приходит с жизненным опытом. Поэтому Дубовик ему нравился, и в душе он мечтал во многом походить на него, но порой в этом не хотел себе признаваться и старался уходить от разбора его личности. Мысленно он снова и снова, независимо от сознания, возвращался туда, откуда летел.

– Антон, я тебя отправляю в Селенях, полетишь к Дубовику, – посмотрев на него оценивающим взглядом, будто испытывая на прочность, сказал начальник полевого отряда Павел Семенович Стрельников. – Это нужно для нашего общего дела. Думаю, ты сам понимаешь, если Дубовика не поддержать, то лошадей пригонят только к концу полевого сезона. Ему сейчас несладко: один с двумя рабочими, и больше никого, а забот по горло, и главное – сплошная непуха. А впереди длинный переход по тайге.

В ту зиму, как обычно после поля, Антон Демин занимался камералкой, как геологи называли обработку собранных материалов. Сдавал в лаборатории многочисленные пробы, обрабатывал полученные результаты и готовил их к очередному отчету, ответственным исполнителем которого был начальник его геологоразведочной партии Николай Петрович Блинов. Защищать отчет по плану тот должен был только через год, но в последний момент всё переиграл и решил отчитаться досрочно. Времени оставалось в обрез, поэтому все силы партии были брошены на завершение этой работы, которая, по расчетам самого ответственного исполнителя, должна была наконец поставить точку в вопросе металлоносности целой складчатой зоны. Досрочное завершение работы включили в годовые обязательства экспедиции, и она попала под контроль главного геолога управления, поэтому что-то изменить было уже невозможно.

К отчету шефа Антону нужно было составить и увязать разрезы к геологической карте, написать главу по статистике основных разностей пород и закончить с материалами по кристалломорфологии касситерита рудной зоны. Хотя работы был непочатый край, как говорили экспедиционные геологи, на душе было спокойно, дело быстро двигалось вперед. Главным стимулом, действовавшим на парня, было предстоящее поле, куда он рвался с нарастающим, как долгота дня, нетерпением. Два года назад, когда после университета Антон только пришел в эту экспедицию, о таком поле он мог только мечтать, как мечтали его однокурсники, оставшиеся на западе.

– Полетишь к Дубовику, – словно молнией ослепило парня.

В первый момент он растерялся, еще не до конца понимая, зачем его отправляют, а потом сразу дошло. Это значит, ему надо идти на перегон, гнать лошадей.

«А как же мои планы?..»

Какое-то мгновение он молча стоял перед Стрельниковым, будто переваривая услышанное, но быстро пришел в себя:

– Ну я же, Паша, на перегон не готовился. Честно говоря, прошлогодним сыт по горло. До сих пор снятся...

– А что там готовиться? – не дав договорить, перебил его начальник, хотевший сразу расставить точки над «i». – Возьмешь свои шмотки – и вперед! Лошадей седлать и выючить ты умеешь – вот вроде и все премудрости. Всё очень просто, как наша жизнь. Нечего в поселке болтаться, пора внести свою лепту в общее дело.

Антон молчал. Насупившись, он смотрел на начальника каким-то отрешенным, ничего не выражающим взглядом. А тот стоял фертom, не собираясь уступать. Но, видно, сообразил, что немного переборщил, сбавил напор.

– Сам пойми. Не посылать же мне Пал Палыча или Алексея. Правда, опыта у них побольше, чем у тебя, но здесь они нужней. Пока вы будете идти с лошадьми, мы забросимся на площадь, поставим лагерь и начнём потихоньку маршрутить.

Последняя телеграмма Дубовика, в которой он снова сообщил, что лошадей не получил, видно, добила Стрельникова, и он решил, что тому нужна помощь. Благодаря этому можно ускорить выход группы и облегчить перегон.

– До прихода Дубовика я хочу отработать «Оборонный», – не сдавался Антон. – Налегке смотаюсь на недельку, проведу поиски и вернусь назад. Потом сходим с лошадьми, заберём отобранные пробы. А у Дубовика я только время потеряю. Сам знаешь, как потом наверстывать упущенное.

На лице Стрельникова проскочило что-то вроде улыбки, и Антон подумал, что его убедил. Значит, никуда он не поедет, а полетит вместе со всеми на вертолёт.

– Вот и чудесно! – сказал начальник отряда.

Услышав то, что хотел услышать, Антон в душе засиял от радости, но в следующий момент настроение резко испортилось.

– «Оборонный» как раз по пути. Получишь с Дубовиком лошадей и зайдешь на свой «Оборонный». Двумя парами вы заходите весь участок за несколько дней, и сразу привезёшь свои пробы. Не надо будет мотаться взад-вперёд. Видишь, как чудесно всё складывается. И Сашку выручишь.

«Вчетвером лошадей гнать будет гораздо проще, – утвердился в мысли Стрельников, – связки короче, значит, и управляться с ними легче. Антон им поможет, а мы обойдемся пока без него».

Оттого, когда пригонят лошадей, зависела судьба этого полевого сезона. Работа геологов была спланирована так, что примерно через неделю после заброски костяка отряда со всем снаряжением и продуктами, должна подойти группа перегона с лошадьми, чтобы через несколько дней разойтись по всей площади работ. Площадь была довольно большой, поэтому без лошадей заходить в нее было невозможно. В лучшем случае полноценные маршруты можно было провести только возле лагеря, но это был небольшой пятачок на их планшете. По запасному варианту предполагались многокилометровые выкидные маршруты, когда на себе переносится весь нехитрый скарб. Но такие маршруты до предела изматывали: давали знать тяжелые рюкзаки, ночевки у костра и постоянное недоедание. Проблемы они не решали, поэтому весь расчет делался на лошадей, служивших внутренним транспортом.

Время шло, а Дубовик всё не выходил. Становилось очевидным, что группа перегона придёт позже установленного срока, и Стрельникова, как начальника отряда, это сильно напрягало. Короткое якутское лето заставляло спешить. Во второй половине августа, как правило, начинались затяжные дожди, из боковых ручьев скатывалась вниз рыба, потом резко холодало, и в первых числах сентября в горах выпадал снег, который уже не сходил до следующего года. Вот поэтому, чтобы провести полевые работы и выполнить запланированные объемы опробования, Стрельникову нужно было сделать все возможное и даже невозможное по отправке группы на перегон. И сделать это нужно было до заброски отряда на площадь работ.

– Ты хотя бы дома меня подготовил, а то сразу в лоб: «Иди на перегон», – для приличия начал упираться Антон, понимая, что вопрос уже решён. – Сам понимаешь, я настроился на одно, а тут как обухом по голове...

– Ах ты, святая простота, его, видите ли, надо было заранее настроить! Ничего с тобой не случится, если пойдешь и так. Разомнешься перед полем, а то от кабинетной работы, поди, жиром заплыл.

Неожиданно для себя Антон вспылil:

– О таких направлениях вообще-то надо предупреждать не накануне отъезда, а заранее и желательно во всеуслышание, чтобы об этом все знали. А вдруг я откажусь по какой-нибудь причине?

– Никуда ты, паря, не денешься. Я же для тебя стараюсь: после перегона будешь летать, как ласточка и лошадей себе подберешь. А то заладил одно и то же: «Я не готовился, я не готовился...» Если толком разобраться, что там готовиться? Всё и так готово. Ещё пару раз на перегон сходишь и, глядишь, Дубовика заткнешь за пояс.

Геолог заметно оживился и, подняв руку вверх, посмотрел на висевшие над головой белые облака.

– Ну да, его заткнёшь, он же прирожденный лошади. Да что там говорить – человек в деревне вырос! У него на роду написано ходить на перегон.

Горы кое-где расступаются, и внизу открываются межгорные пространства, прорезанные петляющими змейками узеньких ручейков, стекающих с горных вершин. Они сливаются в полноводные реки, которые зигзагообразными петлями-меандрами расползаются по всей ширине долин. Порой меандры замыкаются, образуя старицы.

«Совсем недавно здесь протекала река, – смотрел вниз Антон, – а сейчас вода промыла тоненький перешеек, разделявший противоположные берега огромной петли, растянувшейся не на один километр, и потекла по новому руслу. А петля, ставшая старицей, теперь обречена на медленное умирание. Постепенно река замостит прежнее русло, и оно будет заболачиваться, пока совсем не затянется. Эта заросшая старица еще долго будет напоминать о себе зеленым рубцом на теле не оттаивающей вглубь земли».

– Хорошо, я пойду на перегон, – наконец выдал из себя Антон. – Дубовику действительно там не сладко. Ему надо помочь.

– Вот и нормально. Лады.

Стрельников изрядно раскраснелся, светлые волосы на ветру растрепались, на лице появилась улыбка.

– Чтобы не попасть к шапочному разбору, в Селениях нужно улететь как можно быстрее. Билет я куплю сам. Думаю, проблем не будет, туда не каждый рвется – это тебе не курорт. Если что, выйдем на начальника авиаотряда.

В каком-то затерянном ущелье, лежащем в стороне от трассы, узкой полоской голубоватого льда промелькнула наледь, зажата со всех сторон островерхими скалами. Вот долина резко расширилась, и вдали зеркалом заблестела водная гладь большой реки.

«Все. Наконец-то подлетаем! – прикинул к окну Антон. – Ух, красота какая! Это Индигирка. Другой такой большой реки здесь нет. Я столько пролетел и снова встретился с тобой».

Самолет начал медленно снижаться, но неожиданно весь задрожал и закрипел фюзеляж. Антону показалось, что вот-вот отвалится крыло, и они камнем упадут вниз. Комок подкатил к горлу, на лбу выступила испарина. Он посмотрел на соседа и, не заметив признаков беспокойства, снова уставился в окно. Горы и река остались далеко позади, а под крылом самолета проплывала бескрайняя тайга. Местами поблескивали на солнце небольшие озера и бесчисленные заболоченные поляны, отличавшиеся яркой зеленью растительности. Прямой лентой, соединяющейся с далеким морем, протянулась Северная трасса, которая служила главной артерией всего района. Она шла по горам и равнинам, через зыбкие болота и горные реки. Движение на трассе было ненапряженным, но она жила. Вот самолет догнал три длинных серебристых рефрижератора, сверху похожих на распластанных рыб. Оставляя за собой серый шлейф пыли, они растянулись на всем прямом отрезке дороги.

«Наверно, везут продукты из Прибрежного в Скалистый. Путь, конечно, неблизкий: не один день в дороге».

Рефрижераторы остались позади, а навстречу неслись юркий уазик. Вдали пылил «Урал», кузов был закрыт брезентом.

«Эти, кажется, из посёлка. Селениях должен быть где-то рядом: вон, сколько просек нарублено».

Посёлок показался неожиданно, точно вынырнул из темноты. Самолет сделал над ним разворот и пошел на посадку. Коснувшись полосы, вскоре остановился напротив одноэтажного здания аэровокзала. Из иллюминатора Антон увидел, как из подрулившей аэропортовой машины стали выгружать посылки, обшитые разноцветной тканью. Их бросали прямо на землю, где уже лежали банки с киноплёнкой и гора мешков и ящиков. Потом открылась дверь самолета, и с грохотом на землю упала лесенка. Молодой человек подхватил свой спальник и, забросив на плечо рюкзак и карабин, двинулся к выходу.

Густо оцетинившись кисточками иголок, распушились лиственницы. На тонких березках, теснившихся в скверике, лопнули набухшие почки, пошла в рост повсюду зеленевшая трава. От горевшего костра потянуло дымом.

«Хорошо как здесь! Наверное, даже теплее, чем в Северном. Вот тебе и полюс холода!»

Аэропорт внешне ничем не выделялся среди тех, что были разбросаны по всему Северу. Аэровокзал, если его можно было так назвать, представлял собой одноэтажное деревянное здание, оштукатуренное и покрашенное белой известью, а с фронтонов зашитое почерневшими от времени досками. Со всех сторон здание опоясывали высокие дощатые завалинки. С одного торца прилепилось покосившееся от времени низкое крыльцо, над которым повис основательный навес, а выше был прибит плакат с надписью «Аэропорт Селениях». На крыше аэровокзала возвышалась похожая на голубятню диспетчерская с целым лесом разных антенн. С фасада в диспетчерскую вела широкая деревянная лестница с перилами. Из-за просторной площадки, примостившейся посередине, она напоминала капитанский мостик. С площадки лестница поворачивала под прямым углом ко входу в это необычное строение.

Антон огляделся вокруг. Рядом с аэровокзалом стояло несколько одноэтажных домов, забитых разными службами, и виднелся грузовой склад. Так же тесно было и внутри аэровокзала, где только одно небольшое помещение было отведено для пассажиров. В нем одновременно находился зал ожидания, комната матери и ребенка, билетная касса и проходила регистрация пассажиров. Об этом парень догадался по громоздким весам, занимавшим весь угол у запыленного окна.

Глава 6

Полоса невезения

Как и думал Дубовик, от работы над отчетом начальник освободил только накануне отъезда. За последние дни он успел изрядно намотаться и особого облегчения не почувствовал. Утешением стало только то, что удалось найти рабочих. Несмотря на то, что из списка, составленного месяц назад, было почти всё вычеркнуто, дел оставалось немало.

«С веревкой и конской упряжью помогли, а вот с овсом ничего не получается, – думал он, сидя у телефона. – Можно, конечно, обойтись и без него, но во время перегона и при работе в горах овес просто необходим: лошади не успевают восстанавливаться, да и корма там маловато».

Александр уже обзвонил и обежал всех, кто в этом городе мог иметь хоть малейшее отношение к этому злаку, – ни у кого овса не было. Перед самым отъездом он всё-таки разрулил и эту проблему: выбил разрешение на получение десяти мешков в Северном – на складе той экспедиции, куда должен был ехать Роман, попавший в его команду.

– Это даже лучше, – утешали его сослуживцы, – меньше надо будет везти с собой.

Они были правы. Когда упаковали снаряжение, то и без овса получилась приличная гора. В основном там были выючные седла, кошмы, веревка и конская упряжь. Накануне отъезда всё снаряжение основательно зашили в брезентовые баулы и сумы, кое-что упаковали в обычные мешки из-под круп и сахара. На каждое «место» нашили бирку с адресом получателя и отправителя. Везде значился Дубовик Александр Федорович.

Хозяин груза со своим отрядом и снаряжением вначале решил лететь в Селенях, чтобы быстрее получить лошадей, а оттуда махнуть в Северный за овсом. Однако перед самым выездом пришлось всё переиграть. Полоса в Селеняхе раскисла, большие самолеты из города аэропорт не принимал, садились только маленькие «аннушки». Снаряжение Дубовик отправил багажом в Северный, а сам с отрядом вылетел рейсовым самолетом.

На горах, окружавших аэропорт, белыми пятнами лежал снег. Солнце припекало, и уже с самого утра было довольно жарко. На фасаде деревянного здания аэровокзала по всей длине было написано: «ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ ЗОЛОТАЯ ИНДИГРКА!»

– Рома, вот ты с ней и встретился, теперь любуйся, сколько хочешь, – вытаскивая из самолета рюкзаки, сказал Александр, – скоро посмотрим и сам посёлок. Мимо не пройдем.

Дубовик рассчитывал оперативно получить овес и на следующий день спецрейсом улететь в Селенях. По приезде в «перевозках» он договорился на два рейса Ан-2 и немного успокоился. Самая главная проблема, обычно трудно решаемая, была позади. Казалось, все идёт по плану, но случилось непредвиденное. Несмотря на договорённость и заверения местных снабженцев, «зелёной улицы» не получилось. Овёс отпустили только в конце рабочего дня, поэтому вывезти его не смогли. К недовольству отдела перевозок вылет отложили на утро. Ночевать геологи устроились в аэропорту прямо на эстакаде грузового двора, куда привезли свое снаряжение, которое предусмотрительно получили с коммерческого склада.

На следующий день первым же рейсом Дубовик отправил Романа с конской сбруей и большей частью снаряжения в Селенях, а сам со Стасом остался дожидаться следующего рейса, которым хотел забрать остатки груза и весь овес. Они уже загрузили служебный грузовик, когда прибежал второй пилот самолёта.

– Мужики, отбой! Селенях закрылся по погоде, – выпалил он с ходу. – Разгружайтесь!

– Вот тебе раз! – в сердцах заругался Александр. – Только этого нам не хватало. Не дожидаясь «добрых» слов в свой адрес и всего аэрофлота в целом, пилот повернул назад.

– Да, дела! Мы с тобой застряли в Северном, а борт Романа с грузом посадят в каком-нибудь другом порту. Собирай теперь всех в кучу. Надо же как влипли!

Но после обеда Роман вернулся тем же самолетом назад. Услышав, что портится погода и ребята никуда не улетят, он сдал груз на хранение и вскоре возник перед Дубовиком. К вечеру подул холодный северный ветер, навалилась облачность, небо основательно затянуло. Через дырки в навесе на геологов посыпались редкие капли дождя.

– Кто бы мог подумать, что так резко изменится погода! – не мог успокоиться Александр. – Всего-то не хватило нам полдня. Вот такой, мужики, капризный этот Северный. Не везет мне здесь! Теперь сиди на взводе, загорай на этой чертовой эстакаде. Хоть сюда пустили, а то пришлось бы сдавать овёс на хранение, а самим сматываться в гостиницу.

Вода капнула на голову, тонкой струйкой потекла за шиворот. Он невольно передернул плечами и, как ребенок после сна, встрепенулся.

– Молодые люди, вам не кажется, что нужно что-то делать? Иначе мы промокнем до ниточки.

Эстакада, как и все построенные здесь здания, стояла на деревянных сваях. С трех сторон ее закрывали ветхие дощатые стены, крыша насквозь светилась. Ребята затянули крышу брезентом и, опустив его вниз, кое-как прикрыли переднюю стенку. Сверху бежать перестало, но по-прежнему было сыро и холодно.

– Сюда бы еще печку для полного комфорта, – мечтательно сказал Роман, – тогда хоть зимуй.

Чему-то он мечтательно улыбался, и, глядя на него, Дубовику стало ясно, что в этот момент тот витает где-то далеко.

«Все-таки удивительна эта Якутия! Она кажется бескрайней. Как там было написано, – вспомнил Роман о книге, которую накануне отъезда читал в общежитии: её площадь в пять с половиной раз больше, чем площадь Франции, в двенадцать – больше Великобритании. Вот это просторы! Я думаю, что иностранцы даже не представляют, каков наш Север. Он же поистине бескрайний. Надо же, на вечной мерзлоте построили целые города, перекрыли Вилюй... Да только в одном Северном сколько понастроили! Вон какие дома поставили, и все на сваях. Даже наш сарай и тот на «курьих ножках», разве что не поворачивается в разные стороны, – застегивая ватную куртку, улыбнулся парень. – Ну а про здешний климат говорить не приходится – он просто уникален. – Роман поежился от холода и тяжело вздохнул. – Абсолютный минимум под семьдесят. Ну где еще могут рассказать о таких жестоких морозах?! Представишь себе, как эта бескрайняя долина выглядит зимой, даже жутко становится: всему живому должен бы прийти конец, а здесь живут и работают люди. Правда, сейчас поливает как из ведра, а до этого стояла жара. Этот Северный точно стоит на мокром месте. Даже в Селеняхе было сухо, и пилоты говорили, что дождя не будет. А здесь что творится!»

Он поднял брезент и выглянул на улицу. Возле эстакады стояли мутные лужи, с крыши бежали потоки воды.

Стас так же, как Роман, молчал весь вечер. Подперев голову руками, парень с задумчивым видом сидел на выючном ящике.

«Ну и погодка, черт бы её побрал! Сейчас бы посидеть у телевизора с бутылкой пива или поваляться с книгой на диване. И занесло же меня в эту дыру!»

Дождь монотонно стучал по крыше, наполнив убежище геологов звуками капли и журчащей воды. Александр прямо на полу развернул теплый спальный мешок, подложил под него толстую оленью шкуру.

– Теперь, мужики, это на неделю. Эту погоду я уже изучил: если дождь начинается с такой мороси при северном ветре, то с Ледовитого океана принесло какой-то циклон, а если дует с востока – с Тихого океана. Как видите, всё очень просто, для того, чтобы предсказать прогноз погоды, не надо быть великим метеорологом.

Он разделся и, нырнув в спальник, закрылся с головой. Недолго покрутился, высунулся наружу.

– Три года назад я проторчал здесь полтора месяца, никак не могли вылететь. Сначала так же, как сейчас, погоды не было, а потом борт не давали. Мы тогда, правда, прилетели позже, но ледоход на Индигирке застали. Помню, было очень жарко, а в горах, как нынче, снег лежал. Кстати, то лето вообще было очень засушливым. Всё вокруг просто звенело, как говорили вертолётчики. Из-за жары вертолёты летали с половинной загрузкой, вот и собралось столько заказчиков, что пушкой не пробьешь. Каждое утро возле ПАНХа² отиралась толпа разношерстного народа, каждый как мог выбивал себе борт. А как его выбьешь, когда там были ребята покруче нас: с такими связями, о каких мы даже мечтать не могли. Рядом с нами сидела группа киношников из Москвы, потом приехала какая-то иностранная делегация. Так их сразу вывезли, а геологов, биологов, охотоведов и прочий люд, отправлявшийся в тайгу на полевые работы, тормознули. Когда наконец-то дали вертолет, лето перевалило на вторую половину. Кругом зелень, цветочки цветут, птицы уже вывели потомство, а мы только начали работать.

Ветер подул сильнее, капли дождя стали залетать через боковую стенку, и под ней образовалась лужа. Временами становилось совсем тихо, и тогда голос Дубовика звучал громче:

– По приезде в Северный мы, как белые люди, устроились в поселковую гостиницу, прокантовались там неделю, будто настоящие командированные, а потом пришли сюда, поближе к взлётно-посадочной полосе. Я посчитал, что при таком раскладе нам скоро не хватит аванса, который выдали на полевые работы – придётся питаться полученной тушенкой и макаронами. В лесочке, прямо за взлетно-посадочной полосой, мы поставили палатку и в ожидании вертолета стали, что называется, бичевать. Сначала расположились на открытом месте, недалеко от аэропорта. Когда тихо, слышишь объявления диспетчера и видишь, как прилетают и улетают самолёты. Через пару дней я знал расписание и даже мог сказать номер севшего борта. Все бы ничего, да не там разбили палатку. Вы даже не представляете, каково стоять на виду. – Он ухмыльнулся и закрутился в спальнике. – Каждый считает своим долгом не пройти мимо. От гостей отбою не было. По первости нам даже нравилось: новые люди – новые знакомства. Кто бы ни зашёл, будто батюшке на исповеди, рассказывает о своих делах и проблемах. И чего только ни наслушаешься за день! Уже примерно через неделю мы знали все поселковые сплетни, а вскоре и окружные. Ну, словом, впору записывать и издавать книгу. Смотришь, все вокруг куда-то спешат, суетятся, а мы, как посторонние наблюдатели, только созерцаем со стороны на то, что происходит. Утром и после обеда я схожу в ПАНХ, узнаю о плане полетов на следующий день, и мы свободны, как птички, – ждём до следующего дня. От такой жизни потянет на что угодно, потому и были рады поговорить хоть с кем. Но, видно, так пресытились, что стали подумывать, куда бы сбежать. Присмотрел я одно тихое местечко, и мы перетаскились подальше в кустарник. Там спокойно, никто не мешает, солнышко пригревает. Да так оно пригрело, что поплыла под нами мерзлота, стало мокро. Дальше ещё хуже: место непродуваемое, а вскоре пошли комары, да не один-два, а тёмной тучей висят над палаткой. Гул стоит почище, чем от вертолета. Были бы в поле, все не так обидно, а тут, считай, поселок, но грызут не меньше. И самое неприятное – убежать некуда. Словом, дней пять промучились и перебрались на новое место. Оказались у самой дороги. А там такая пыль, что после каждого проехавшего грузовика полчаса не видно неба. Вот так до самого отлета и глотали пыль. Но это всё равно лучше, чем комары.

Дождь не на шутку разошёлся, вскоре насквозь промок брезент, внутри стало сыро и холодно.

² ПАНХ – отдел Аэрофлота по применению авиации в народном хозяйстве.

– А сейчас благодать, дышим чистейшим воздухом, – поглубже залезая в спальный мешок, зевнул рассказчик. – Только бы раньше времени не попросили: все-таки служебная площадь.

Как говорил Дубовик, дождливая погода продержалась почти неделю, и только через пять дней перегонщики вылетели в Селенях.

Глава 7

В конторе совхоза «Заря»

До посёлка Антон добрался не скоро и уже успел его обойти, когда вдалеке мелькнула высокая фигура Дубовика, шедшего по центральной улице, застроенной одноэтажными деревянными домами. На нем были вылинявшая геологическая куртка и офицерские галифе, заправленные в болотные сапоги с подвёрнутыми голенищами. Голову покрывала яркая бело-красная лыжная шапочка с круглым помпоном вверху, непонятно как державшаяся на макушке. На одном плече болталась офицерская полевая сумка, на другом – стволом вниз висел кавалерийский карабин. В этом одеянии он больше походил на партизанского командира, сошедшего со страниц книги легендарного Ковпака, чем на геолога.

– Саша! – позвал его Антон, но тот не услышал. Он крикнул громче. С недоумевающим видом Дубовик посмотрел по сторонам и наконец увидел Антона.

На секунду замешкавшись, он резко остановился, потом пошёл навстречу. Их разделяло сто метров – сто метров, которые надо было преодолеть, чтобы встретиться коллегам, занимавшимся одним и тем же делом, ради которого они оказались в этом далеком поселке.

– Какие люди, и без охраны! Ты как здесь оказался? – обнимая Антона, радостно воскликнул геолог. – Смотрю, знакомое лицо, но думаю, может, ошибся. Ан нет, Антон Викторович собственной персоной.

Его удивлению, казалось, не будет предела. Он осматривал Антона, как музейный экспонат, качал головой и зачем-то цокал языком.

– Откровенно говоря, я тебя не ждал. У меня даже в мыслях не было, что кто-то прилетит. Стрельников отправил на перегон?

– Ну а кто же ещё. Так сказать, на усиление твоего отряда. Ты так напряг всю партию, что он сам готов пойти с тобой. Только, как он говорит, заменить нечем.

На лице Дубовика появилась грустная улыбка, а в следующий момент он сказал:

– Его озабоченность мне понятна. На него шеф насаждает, а он бомбит меня, думает, что от этого что-то изменится. Здесь все не так просто, как он считает, – хмыкнул Александр. – А мне он вообще-то ничего не сообщил о твоём приезде. Ты как снег на голову. Видать, опередил телеграмму, кстати, он присылает их очень аккуратно. Сейчас, наверное, получим. Я не могу еще поверить, что это ты.

Встрече Антон тоже обрадовался, Александра он не видел почти месяц. За это время тот заметно похудел, лицо загорело и заросло густой щетиной, которую ещё нельзя было назвать нормальной бородой, тем не менее даже такая борода сильно изменила его внешность, отчего он стал солидней.

– Ты что же ты так опустил, товарищ Дубовик? – пошутил Антон. – Не бреешься, не моешься, ходишь по посёлку с оружием. А между прочим, Александр Федорович, здесь живут мирные люди, которым это может не понравиться. Я тебя совсем не узнаю. При твоей аккуратности это просто несовместимо с понятием Homo sapiens.

В ответ тот погрозил пальцем и, усмехнувшись, кивнул на Антона. Что, видно, означало: лучше посмотри, на кого ты сам похож. Вид у Антона тоже был далеко не парадный. Новый геологический костюм защитного цвета был так широк, что на нем болтался, как на вешалке. Это делало молодого человека похожим скорее на труженика сельских полей, чем на современного разведчика недр. Такие костюмы, или, как их называли, спецовки, выдавали геологам на полевые работы каждый год. Как правило, они были на несколько размеров больше. Два года назад их завезли столько, что без особого ущерба для организации можно было бы обмундировать целый полк. Все они, по-видимому, были сшиты в расчете на богатырей, а народ в

экспедиции, как на подбор, был мелковат. Других костюмов не было, поэтому приходилось брать то, что дают. А когда геологи костерили снабженца, тот крутился व्यюном и отмахивался, как от назойливых мух.

– Это, мальчики, спецодежда, а она должна быть свободной, чтобы не стеснять движений, – отвечал он на жалобы и делал свое дело.

Движений спецодежда не стесняла...

Антон смешно оттянул обе штанины в сторону и ухмыльнулся:

– У меня нормальный полевой вид. Просто ничего нового для нас пока не придумали, так что я одет вполне современно.

– Понятно. – Александр похлопал его по плечу, мол, с тобой все ясно, и с нетерпением спросил:

– Паша ничего мне не передавал?

– Как же, как же, конечно, передавал, – засуетился Антон. – Я чуть не забыл, вот записку отправил.

Покопавшись в кармане, он вытащил сложенный листок бумаги. Быстро прочитав, Дубовик стал возмущаться.

– Шустрый какой! Его бы сюда, тогда бы знал, почему нынче лошади, а то... думает, что я мышей совсем не ловлю. – Он незлобно выругался и запихнул записку в полевую сумку.

– А из дома мне ничего не отправили?

Антон смутился. Каждый полевик с нетерпением ждёт весточку из дома. Пусть это будет небольшая посылка, короткое письмо или записка в несколько слов, главное, что она написана рукой родных, которые его любят и ждут. На лицо был серьёзный прокол, но вины Антона здесь не было. Тем не менее он посчитал, что к этому причастен, и попытался оправдаться.

– Никто же не думал, что я сюда полечу, – сказал он как можно спокойней. – Понимаешь, всё решилось в последний момент. Может, Стрельников забыл или...

– Ну да, – кисло сморщился Александр и будто постарел на пару лет. – Что там думать? Вы же выезжали позже меня. Знали, что когда-то мы встретимся – могли зайти ко мне домой. Ну даже ради приличия. Валька там небось давно приготовила посылку, ждет, с кем бы отправить. – От досады он махнул рукой и процедил сквозь зубы: – Мать вашу так, неужели трудно было? Хотя бы взяли письмо...

Чтобы разрядить неприятную обстановку и вывести Дубовика из «стопора», Антон спросил про лошадей.

– Вот... вы только и думаете об этих лошадях, поскольку они вам сейчас нужны, – матюгнувшись, не унимался Александр. – Так со своими заботами скоро про людей совсем забудете. Ладно, проехали. Пойдем со мной, расскажу. Я как раз в контору совхоза «Заря», к главному зоотехнику.

По дороге Антон узнал, что вначале пришлось ждать, пока пригонят лошадей с дальнего пастбища, а когда они уже стояли в загоне, – их забрали на сенокос.

– В ближних табунах обученных нет, – размахивая руками, говорил Дубовик, – а одни дикари нам не нужны. Отправляли нас в Улаханское отделение – километров за семьдесят отсюда. Мы уже хотели было ехать, но тут случайно встретили управляющего тем отделением, мужик в район улетал. Он посоветовал никуда не ездить. «Потеряете только время. Без меня, – говорит, – хороших вам всё равно не дадут, а того, что негоже, хватает и здесь. Я найду для вас лошадей». – Дубовик поправил болтавшуюся полевую сумку и продолжал:

– Он тут человек уважаемый, сам когда-то коневодом работал. Нашего брата вроде как понимает. Оказалось, что в этом отделении у него пять лошадей. Они почему-то числятся за ним, а пасутся в каком-то совхозном табуне.

Дубовик почти бежал, и Антон едва поспевал за ним, а когда встретились две женщины, которых не смог обогнать, немного отстал.

– А почему забрали лошадей? – догнав коллегу, спросил он, едва отдышавшись.

– Да очень просто. Зоотехник распорядился, и забрали. Надо было подсуетиться да вот – малость не успели. Отошли бы подальше, чтобы не мозолить им глаза, может, обошлось бы. А то этот держиморда только прикатил из райцентра, увидел наше хозяйство, а вечером всех лошадей угнали. Коневоды ему говорили, что это наши – бесполезно, он словно глухой. «Геологи, – говорит, – подождут, есть дела поважней: нужно срочно отправлять бригаду на сенокос». Сам понимаешь, своя рубашка ближе к телу. Наши проблемы совхоз не волнуют, своих хватает, а раз их кони, то они заказывают музыку. Кто же отдаст лучших коней? Ни за какие коврижки мы их не получим.

Подошли к магазину. Вокруг было довольно оживленно и даже шумно. Две женщины о чём-то спорили, не уступая друг дружке. Возле них останавливались другие и, видно, разобравшись, в чем дело, шли своей дорогой.

«Как везде, в основном женщины, – подумал Антон, посмотрев на часы. – Мужикам теперь здесь делать нечего, их даже палкой сюда не загонишь – как везде, в посёлке горбачевский сухой закон. Разве что забегают за куревом».

– От зоотехника нам нужна бумага на тех лошадей, которых обещал управляющий, – не обращая внимания на шум, бежал Дубовик. Кто-то из стоявших возле магазина поздоровался, Александр даже не заметил.

Антон с интересом смотрел по сторонам, пытаясь вникнуть в проблему. Всё в Селеняхе было ему в диковинку. В последнее время местный совхоз часто упоминали в прессе в связи с успехами в коневодстве, поэтому сообщение Дубовика казалось странным.

– Насколько я знаю, у тебя давно оформлено письмо с гарантией оплаты.

– Оформлено, да не то. Письмо, о котором ты говоришь, – это отдельная статья. Я же тебе сказал, Косте нужна бумага от своего начальника, так как лошади числятся за другим отделением.

– А кто это?

– Костя, что ли? Старший коневод.

– Ну контора! – вздохнул Антон. – Вроде такая продвинутая эта «Заря», а не могут найти десяток лошадей. Просто стыдоба!

– Если было бы так просто, – ты бы нас уже не застал. Ну вот, пришли. Вон контора.

Дубовик показал на строгое зеленое здание, над которым развевался красный флаг. В кабинете за письменным столом сидел широколицый мужчина средних лет. Не глядя на вошедших, он поздоровался. Потом оторвался от бумаг и, сняв очки, внимательно посмотрел.

– Ага, кажись, геологи за лошадами пришли? Вижу, надоело без работы, шибко в поле спешите. Понимаю, понимаю, у нас тут маленько скучно для городских.

Говорил он довольно чисто, без характерного якутского акцента, какой был у многих.

– Мы получили телеграмму из вашего геологического управления, просят помочь. Ну что же, обязательно поможем! Будут вам лошади, только ещё немного подождите. А на меня не обижайтесь. Те кони, которых мы у вас забрали, на сенокосе нужны. Их Костя отдал без моего ведома, пожалел вас. Всем же нужно срочно – куда-то спешите, спешите. А лошадей у нас нет, понимаете, – нет!

Дубовик не выдержал и, подойдя вплотную к столу зоотехника, громко сказал: – Как нет?! Вон целые табуны пасутся, а вы говорите, лошадей нет. – В его голосе прозвучала обида на начальника и весь совхоз в целом, который не смог им помочь и этим фактически срывает проведение полевых работ целой партии геологов. – Это что, не лошади?

– Лошади, конечно, я не спорю, – сказал тот, будто оправдываясь, – только не те, которые вам нужны. Ребята, поймите меня правильно: вы, видать, не знаете, что в последние годы наше табунное коневодство специализируется на производстве мяса. Так сказать, мы производим жеребятину. Вот поэтому сократилась численность рабочих коней. И это не только у нас. По

республике их всего около семи процентов, а в нашем совхозе и того меньше. С трудом набираем для своих нужд, а для таких, как вы, практически ничего не остается. Вот скажите, как нам быть? – Зоотехник опустил голову и, будто читая какие-то бумаги, замолчал. Было видно, что этот разговор ему неприятен. – Отсюда и пляшите. Самое неприятное, что со временем все наши лошади пойдут под нож. Теперь вам понятно, в чем дело?

– Да, вроде кое-что прояснилось, – отступая от стола, кивнул Дубовик. – И что, вы ничего не можете сделать?

– А что тут сделаешь? Нам дают план, мы его выполняем. Вообще, если честно, для нас коневодство – довольно рентабельная отрасль. Между прочим, по числу лошадей наш совхоз занимает ведущее место.

Плановая система экономики лишала предприятия самостоятельности, в то же время освобождала от проблем с реализацией готовой продукции, снабжением и многими другими вопросами, которые вынуждены решать самостоятельные фермерские хозяйства.

– Да что толку, для нас-то ничего нет, – стал возмущаться Дубовик. – У вас на уме только одно мясо. Скоро всех лошадей перебьете. Было бы лучше, если бы вы думали не только о мясе, а занимались племенным коневодством, породу улучшали, а то в Якутии, насколько я знаю, до сих пор нет ни одного приличного конезавода, и у меня такое впечатление, что никому до этого нет дела. Да и, между прочим, знаменитая якутская лошадь как порода официально не признана – нет на нее паспорта.

Об этих проблемах зоотехник знал не хуже геолога, но почему-то не стал развивать эту тему. Возможно, посчитал, что от его мнения ничего не изменится, а дискуссия о племенном коневодстве, где он был специалистом, затянется надолго. А может, был удивлён осведомлённостью геолога и, чтобы не попасть впросак, промолчал.

– Я же вам говорю – найдем лошадей. Кроме наших возьмете Тимофеевых. Они с геологами уже не раз ходили. Обученные...

– За ними мы как раз пришли, – не дослушав, резко сказал Дубовик. – Нам нужна бумага.

– Это хорошо, что вы знаете о нашем решении, а то, что вас немного задержали, я думаю, не беда – вы ребята молодые, наверстаете.

Антон осмотрел кабинет. Напротив небольшого как в сельской избе окна висела административная карта Якутии, покрытая блестящей пленкой, от которой отражались солнечные лучи и зайчиками разбегались по потолку и стенам. Рядом с картой, прямо к стене, была прибитая какая-то диаграмма, вычерченная на листе ватмана. Непрерывно восходящая красная линия, возвышавшаяся над синей, будто стремилась выскочить за край листа, обведенного жирной рамкой. Осмотревшись, парень перевел взгляд на Александра.

«Что-то он больно нервничает, не может постоять спокойно, весь издергался. Наверное, это кровная обида: ох уж достали его эти лошадаики! Но сейчас вроде всё решается. Надо радоваться...»

– Значит, вам нужна бумага на Тимофеевых лошадей? – будто испытывая терпение геологов, оценивающе смотрел на них зоотехник. – Костя требует? Это хорошо, он знает свое дело. Грамотный парень, сельхозинститут заканчивает, заочно учится. Бумагу я сейчас напишу.

В окно Антон увидел, как мимо прошли двое мужчин с косами, кто-то проскакал верхом на коне, и он подумал, что принёс удачу. С его приездом получили лошадей, и теперь можно начинать перегон. Когда вышли на улицу, Дубовик не унимался и сердито говорил:

– О лошадях он, наверное, знает только по сводкам. У него одни цифры на уме. На свою голову связались с этой «Зарей» и получили серьезные проблемы. Вот в прошлом году...

– Саша, ты чем не доволен? Бумага у тебя в кармане, значит, все проблемы наконец-то решены.

– Лошадей жалко.

Глава 8

Текущие заботы

Как только солнце поднялось, палатку пригрело, стало невыносимо жарко и душно. Растегнув тёплые спальники, все выбрались наружу досыпать. Чертыхаясь, встал Стас. Хотелось спать, но он должен был разжечь костёр и приготовить завтрак.

«И чего же мне так не везёт! – думал парень. – Все ещё дрыхнут младенческим сном, а я снова дежурный. Теперь думай, что им сварганить. Ну и жизнь у этих геологов!»

Он громыхал ведрами, рубил дрова, то и дело заскакивал в палатку.

– Дай спокойно поспать, – сладко зевая, цыкнул на него Роман. – Из-за тебя весь сон забыл, теперь не помню даже её лица, а такая была девушка! Ну, Стас! Я тебе этого не прощу.

Перед полем Стас пришёл в геологическую экспедицию устраиваться на работу и, узнав, что первым выезжает в поле, попал в отряд Дубовика.

– Хочу поступать на геологический, – сказал он при встрече. – Заодно проверить себя в экстремальных условиях. У вас же в экспедиции, говорят, очень трудно.

– Не буду тебя пугать, но в поле еще нужно часто дежурить и готовить.

– О-о, я люблю готовить и умею, правда, никогда не готовил на костре, но я обязательно научусь.

Дубовику это очень понравилось, он основательно его расспросил и, увидев, что парень с виду здоровый и неглупый, взял. Стас был невысок, круглолиц, с редкими съеденными карием зубами. Из-за излишней упитанности он казался несколько рыхлым и не в меру флегматичным.

«Ничего страшного, через два-три перехода будет походить на человека», – принимая Стаса, подумал тогда Александр.

После школы Стас пробовал свои силы, поступая в строительный, однако дальше первого экзамена не продвинулся – подвела математика. Завалив экзамен, он твердо решил, что на следующий год поступит в институт во что бы то ни стало. И чтобы не терять зря время, собрался готовиться в поле. С собой он взял целый ворох разных учебников и конспектов, но, увидев его огромный рюкзак, Дубовик провёл основательную чистку.

– Что-то, парень, я вижу, рюкзачок у тебя неподъемный. Ты, случайно, не положил туда пару гирь? А то, знаешь, были тут у нас ребята, хотевшие в поле поправить своё нехилое здоровье, и вместо маршрутов нажимали на железки, – перетряхивая содержимое рюкзака, распекал он Стаса. – Ну зачем, скажи мне, пожалуйста, этот парадный костюм, три свитера, дюжина разных носков, стопка разных полотенец; а для чего ты взял этот красивый китайский термос? Смотри, только он один занимает полрюкзака, но самое неприятное, – ты завтра же его расколотишь. Мать моя женщина, а книг-то сколько! Да ты что, Стас! Поле – это тебе не библиотека, мы едем работать, а не читать «Муму». Вот посмотри, всякое барахло ты прихватил, а нужных вещей я не вижу. Ты хоть одни портянки положил? Нет, конечно! Думаешь, не нужны. Ошибаешься – это предмет первой необходимости. Рабочей одежды, ножа, шапочки тоже нет, зато вон какой рюкзакище – любой турист позавидует. Даже у Романа и то меньше, а он приехал издалека. Только на тебя одного потребуется лошадь, а их на весь наш груз всего двенадцать. Видел, сколько у нас снаряжения? Так что, парень, давай всё лишнее тащи домой и не думай хитрить. Если что-нибудь в поле увижу – выброшу. Потом не обижайся.

Всё-таки одну толстую книгу Стас прихватил, радуясь, как школьник, что провёл строго начальника.

В первый же день своего дежурства он приготовил пригоревшую «кашу» из макарон, а в суп засыпал полкастрюли гречки и сухой картошки. Тогда вовремя вмешался Дубовик, и

продукты были спасены, зато каши, получившейся вместо супа, хватило до следующего обеда. После этого случая начальник преподавал ему урок кулинарии и заставил отдежурить ещё один день вне очереди.

В этот раз Стас готовил рисовую кашу с тушенкой, которая, судя по запаху, залетавшему в палатку, где только поднимались геологи, удалась. Уроки не прошли даром.

После заброски в поле общение геологов с внешним миром осуществлялось только с помощью радиостанции. Благодаря связи можно было узнать экспедиционные новости, услышать, чем «дышат» в других отрядах, и даже вникнуть в семейные тайны, недоступные в городе. Связи придавалось соответствующее значение. Выход каждого отряда ежедневно отмечался на экране, висевшем на самом видном месте в экспедиционном коридоре. Три дня пропуска уже расценивалось как чрезвычайное происшествие, о котором докладывали начальнику для принятия срочных мер.

В это утро на связь вышла радистка, с которой приятно было работать. Она отличалась звонким голосом, и даже за тысячу километров от их стоянки казалось, что её радиостанция рядом. Радистка работала быстро и, в отличие от других, была терпелива. Порой какое-нибудь непонятное слово длинной радиограммы, передаваемой корреспондентом, переспрашивала не один раз, пока не разбиралась. Чаще всего это случалось из-за плохого прохождения или незнакомых геологических терминов, фамилий или географических названий.

Записав в журнал текст принятой радиограммы, Дубовик отложил в сторону тангенту и расслабился. Под конец сеанса потянуло даже на сон, а впереди был хлопотный день, поэтому надо было быть в форме.

– Опять циркулярка, – сказал он так, как будто подкинули что-то неприличное. – И на сегодня это всё. Ничего хорошего не прилетело, зато, видите ли, сообщают, что радиостанция боится сырости и её нужно оберегать от тряски. Ну и, естественно, нельзя бросать. Это мы и так знаем, попусту занимают эфирное время. Скоро из города будут давать наставления о том, в чём ходить в маршруты и как прятаться от солнечных лучей, чтобы не получить ожогов. Лучше передали бы какую-нибудь толковую программу. Раньше по радио давали концерты по заявкам полярников, но потом их почему-то прикрыли. А для геологов таких передач, похоже, никогда не было.

Новая радиостанция, которую получил Дубовик, в отличие от старой, была компактной. Таким же был и блок питания, шедший в комплекте. Однако без подзарядки заводского блока не хватало на весь полевой сезон, поэтому его заменили двумя аккумуляторными батареями, весившими намного больше, чем сама радиостанция. Из-за этого «Ангара» стала практически неподъемной и служила обузой при переходах. Зато инженер по технике безопасности сразу успокоился.

«Пусть лучше погибают ваши выючные животные, чем болит моя голова, – говорил Геннадий Гаврилович Баранов. И при случае назидательно добавлял: – При полевых работах вы всегда должны помнить, что каждая строка этого гротеска написана на основе горького опыта таких же, как вы, а то и их жизней».

Возражать было бесполезно: несоблюдение правил техники безопасности часто приводило к трагическим последствиям, поэтому любой начальник требовал от своих подчиненных соблюдения инструкций, изложенных в «книге жизни».

Позавтракав и распределив работу, Дубовик собрался в посёлок. А перед уходом подзвал Романа:

– Тебе сколько сигарет купить? Учти, это до конца полевого сезона. Теперь, как выйдем из посёлка, в магазин не попадем до осени. Стрельников для нас не будет брать, у него своих проблем хватает.

Как о давно решённом, Роман сказал, что собирается завязывать, поэтому от курева отказался.

– Вот только разберусь с остатками – и баста, конец вредной привычке.

Дубовик не на шутку всполошился, немало удивив Романа.

«Какое его дело? – подумал парень. – Это мои проблемы. Я, может, давно хотел бросить, а тут как раз подходящие условия: сигарет нет и до магазина далеко. Не хочешь, а завяжешь».

– Это, парень, ты напрасно, привычка – вторая натура. Бросать надо было дома, а не в поле. Здесь из твоей затеи ничего не получится. Таких, как ты, я знал немало, но все курят до сих пор, ни один из них не завязал.

Романа это только подзадорило, и он завёлся:

– Значит, я буду первым, покажу всем пример. Они не смогли побороть дурную привычку, а у меня получится.

– Конечно, ты не от мира сего, – нахмурился Дубовик, понимая, что ситуация выходит из-под контроля. – Как бы из-за твоего начинания мы не остались без сигарет. Ты даже не представляешь, что испытывает курильщик, когда хочется курить? А я по себе знаю, поэтому никому не пожелаю повторить мою ошибку. Помню, мужики курили все подряд, доходило даже до заячьего помета. Это тебе, парень, не в городе: в тайге надо иметь всё впрок. Может, всё-таки взять? – спросил он более дружелюбным тоном.

Роман по-своему понял причину беспокойства начальника и с вызовом бросил:

– Не беспокойся, ни одной сигареты я у тебя не возьму. Можешь считать, что я уже завязал.

Солнце припекало. Воздух нагрелся, и земля отдавала накопившуюся за ночь прохладу. День обещал быть жарче предыдущих. От быстрой ходьбы пот бежал ручьем, куртка прилипла к телу, и Александр расстегнул рубашку и куртку до пояса.

«Быстрее бы уж получить этих злополучных коней и унести отсюда ноги, – поглядывая по сторонам, думал геолог. – А то дальше обещаний дело не идёт. Не помогла даже бумага зоотехника. То Кости нет на месте, то лошади убежали, а то ещё какие-то проблемы у этих коневодов. Можно подумать, что они сговорились и специально тянут резину, чтобы нас подольше задержать. Если простоим ещё неделю, можем завалить работу. Тогда все шишки посыплются на меня. Тут уж к бабке не ходи – я останусь крайним. Геологическое задание партия не выполнит – и всё тут, приехали... В прошлом году в Алысардахе было проще, да и в Себяне управились всего за пару дней, а здесь с самого начала пошла непуха. Одно утешение – хоть теперь нас четверо. С Антоном будет полегче».

Так за своими думами Дубовик незаметно дошел до посёлка. Зайдя в поселковый совет, завернул на почту. Почему-то вспомнился Роман.

«У, настырный какой! Курить он, видите ли, решил завязать. Не спорю, хорошее дело, только всему свое время. Конечно, он не бросит, а вот нас без курева оставит. Будет у всех сшибать по сигаретке. Ну как ему откажешь? Я не дам, кто-нибудь другой угостит, и пошло-поехало. Никуда не денешься, придётся взять ему сигарет. Пока говорить не буду, пусть себе бросает на здоровье».

Из-за того что Стрельников не поставил радиостанцию в Северном, а в Селеняхе не было телефонной связи, приходилось ежедневно обмениваться телеграммами. Несколько раз он звонил в экспедицию, и дежурный радист выходил на отряд перегонщиков, однако это занимало больше времени, чем телеграфировать. Подходя к почте, Дубовик был в затруднении: что писать в этот раз. До сих пор все телеграммы, отправленные начальнику отряда, начинались одинаково: «Лошадей не получили...»

«К сожалению, и сейчас придётся сообщать то же самое», – подумал он, сочиняя очередное послание.

* * *

Так за хлопотами пролетел ещё один день. Вечерняя заря окрасила небо, солнце повисло над горизонтом. После ужина все собрались возле костра. Дубовик рассказал пару свежих анекдотов, а Антон, чтобы поддержать компанию, поведал, как летел на разваливающимся «кукурузнике» и сколько натерпелся страху на подлете к Селеняху. Теперь говорить об этом было смешно, а каково было в самолете! Потом снова поставили чайник и, будто не ели, набросились на свежий хлеб со сгущенкой.

– Федорыч, а чем мы будем заниматься, когда пригоним лошаков? – повернувшись к Дубовику, спросил Роман. – Толком ты ещё ничего не сказал.

– Ну а что говорить-то, будем работать. Придем на место, Павел Семенович введет в курс дела, он у нас начальник.

– Так неинтересно. Я думаю, ты знаешь не хуже Стрельникова.

Тот кивнул.

– Ну, знаю, конечно. А как иначе?

– Так расскажи. Что за секреты такие? Может, думаешь, что мы поделимся ими с косолапым или с Костей и Августом. – Роман давно хотел поговорить на эту тему, но все не получалось, а сейчас был подходящий момент, и он решил «добить» начальника. – Вообще, если не в настроении, можешь играть в молчанку и дальше, мы потерпим, – перекладывая из руки в руку горячую кружку с чаем, насупился Роман. – Как пахать, так ребята вперед, а как рассказать о деле, ты как будто в рот воды набрал.

Дубовик задумчиво потер подбородок, на лице появилась загадочная улыбка.

– Да что ты, Рома! От вас нет никаких секретов. Это тебе показалось. Даже в мыслях не было что-то замалчивать, а тем более о предстоящей работе. За лошадиными проблемами я совсем упустил, что вас надо потихоньку просвещать, так сказать, готовить к геологическим маршрутам. Без проблем, сейчас расскажу. Ну, в общем, мужики, главное вы уже знаете: мы будем заниматься поисками оловянной руды, или касситерита, как называют основной оловосодержащий минерал. Но вначале, так сказать, на сон грядущий я проведу небольшой ликбез, то есть прочитаю вводную лекцию, а потом постепенно дойдем до главного. Такой регламент вас устраивает?

– Пойдет. Мы не против, – за всех ответил Роман, с важным видом потирая руки. Вот, мол, наконец-то я его доконал.

Александр сделал пару глотков и, не допив чай, поставил кружку рядом с собой. Прокашлявшись, он спокойно начал:

– В царской России большинство горнодобывающих предприятий находилось в руках иностранцев. Буржуям передавали месторождения полезных ископаемых в концессию, и те эксплуатировали наши недра, вернее, выкачивали сколько могли. Достаточно сказать, что только с 1901 по 1911 год в России было учреждено около двухсот иностранных компаний с общим капиталом почти 300 миллионов рублей. Их владельцы предпочитали не тратить деньги на проведение геологоразведочных работ, а занимались откровенным хищничеством. Поэтому после революции молодому советскому государству досталась крайне скудная сырьевая база. Очень низкой была геологическая изученность. Если посмотреть на сводную геологическую карту России, изданную до 1917 года, то наглядно видно, что огромные пространства Сибири и Дальнего Востока представляют собой белые пятна. Даже промышленно освоенный Урал оставался совершенно неизученными с точки зрения возможных перспектив.

Допив чай, Александр отставил кружку и продолжил:

– А теперь по существу нашей проблемы. Добыча олова в Российской империи до Октябрьской революции не превышала 50 тонн в год, вследствие чего существовало мнение

об отсутствии сколь-нибудь существенных концентраций этого металла на территории России, то есть промышленных объектов. И это несмотря на то, что касситерит находили в целом ряде районов. Как свидетельствуют литературные источники, с конца 20-х годов геологоразведке стало уделяться особое внимание. Руководство страны решило отказываться от закупок полезных ископаемых, но для этого следовало создать свою минерально-сырьевую базу. И вот в сжатые сроки в разных регионах страны были проведены поисковые и геологоразведочные работы. Результаты не преминули сказаться и даже превзошли все ожидания: в Забайкалье и в Приморье, в Якутии и в Магаданской области открыли многочисленные месторождения разных полезных ископаемых.

С лета 1932 года все геологоразведочные работы, проводимые на северо-востоке страны, передали государственному тресту «Дальстрой». Так называлось главное управление строительства Дальнего Севера. На поиски и разведку полезных ископаемых были направлены геологи из Центра. К изучению неизведанного региона подключились ведущие ученые. Только после этого, как из рога изобилия, посыпались открытия: были выявлены золото, олово, вольфрам и другие полезные ископаемые. Среди находок – первое на Колыме оловорудное месторождение ключа Туманный, месторождение Бутугычаг, Яно-Адычанский и Индигирский оловоносные районы. Среди них и те места, где мы будем работать.

Его перебил Роман, хотевший уточнить площадь предстоящих работ, но Дубовик попросил набраться терпения и стал рассказывать дальше:

– Работа геологоразведчиков на северо-востоке была довольно сложной и даже, можно сказать, опасной. Огромные территории, труднопроходимые и заболоченные пространства, дикие животные, отсутствие нормального снабжения геологических партий и прочие сложности препятствовали решению поставленных задач. Тем не менее геологи ежегодно открывали новые месторождения, и в конце тридцатых годов стало ясно, что восточные районы Советского Союза, и в первую очередь северо-восток, представляют собой крупнейшую оловоносную провинцию, которая по своим потенциальным возможностям можно сравнить с главными оловорудными провинциями мира. Таким образом, Советская Россия получила собственную минерально-сырьевую базу для развития отечественной оловодобывающей промышленности.

Эти слова Дубовик произнес с гордостью. Вот, мол, смотрите, мы раскрутили такой маховик и, закрыв белые пятна, получили заслуженный успех. То, что было не под силу царской России, добились Советы.

– Следует отметить, что в период наибольшего расцвета производства в «Дальстрое» на оловодобыче работали многочисленные прииски и обогатительные фабрики. Но в нашем мире нет ничего вечного, – с иронией сказал геолог, – после войны на Колыме, то есть на северо-востоке страны, начался развал. Рабочие и ИТР, как перелётные птицы, потянулись в тёплые края. Опытные специалисты, безвыездно проработавшие десять лет, выехали в центральные районы страны. Поэтому вскоре добыча олова упала более чем на треть по сравнению с военными годами. А в 1953 году началась известная амнистия, и подавляющее большинство бывших заключенных ГУЛАГа, разрабатывавших оловорудные месторождения, также навсегда покинули Колыму. Вследствие этих и других причин многие объекты были закрыты, или, как говорили тогда, законсервированы. В их число попали и все наши месторождения, которые мы пытаемся возродить. Все, мужики, пошли спать, уже поздно!

– Ну, ты опять ничего не рассказал о том, где мы будем работать, – допивая чай, потянулся Роман. – Всё ходишь вокруг да около. Давай еще немного посидим. Посмотри, какой красивый закат, даже уходить не хочется.

Глава 9

На новом месте

На новом месте Антону не спалось. После лёгкого одеяла в нетопленном сыром общежитии, в верблюжьем спальном мешке, разложенном на кошме, в палатке было жарко. За зиму он отвык от спальника и, подумав, что ночью будет холодно, завязался на все застёжки и даже застегнул клапан, чего обычно не делал. Вскоре он так взмок, что, вытащив белоснежный вкладыш, лёг в нём поверх спальника. Приснились Антону необъезженные кони, которых он пытался укротить. Поймав какого-то лохматого горбунок с пушистым хвостом, он сел верхом и стал его объезжать, но тот, точно в сказке, перепрыгнув через городьбу, взмыл высоко вверх. Горбунок летел над горами, над лесами, потом начал спускаться к какой-то большой реке. И вдруг внутри него что-то сломалось, и горбунок вместе с Антоном камнем упал в воду. Вода обдала ледяным холодом, свело руки и ноги, потянуло ко дну. Стуча зубами, Антон проснулся и осмотрел палатку.

Тихо посапывая, рядом спал Роман, с другой стороны примостился Дубовик, и, свернувшись калачиком, почти у самого выхода – Стас. В палатке уже давно было нежарко. Антон с головой снова залез в спальник, но согреться долго не мог. Сон не шел. Он вспоминал события двух последних дней, но почему-то из головы не выходил Алексей, коллега по работе, оставшийся с Дубовиком.

«Как он, интересно, там? Наверно, как собачка на привязи, с мужиками ждёт борт. Сейчас и я кантовался бы, как они, а теперь вот здесь. Вот что значит случай! Даже Лёха, который всегда всё знает наперёд, не смог предсказать такого поворота событий, случившихся со мной. Да этого и предвидеть невозможно».

Как-то зимой, ещё задолго до поля, в кабинет зашёл Алексей Кузьмин, работавший геологом в той же партии Якутской экспедиции. Рабочий день подходил к концу, в коридоре уже чувствовалось заметно возросшее оживление, свойственное в это время многим учреждениям, где большая часть рабочего дня проходит за письменным столом.

– Ты тут сидишь, как мышь в норе, и ничего не знаешь, – начал он бойко, – а у меня потрясающие новости.

– Ну, давай выкладывай, не дразни, – не отрывая головы от стола, пробубнил молодой человек.

– Шеф собирается наши отряды отправить на одну площадь.

Антон оторвался от бумаг и с нескрываемым любопытством уставился на коллегу, ожидая дальнейших разъяснений. Алексей выждал ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы до предела раскалить нетерпеливого собеседника и в то же время, чтобы у того не пропал интерес, стал рассказывать:

– В нашем кабинете состоялся интересный разговор, и шеф поделился своими соображениями по поводу предстоящего полевого сезона. Сказал, что не мешало бы нам объединиться: сначала сообща отработать одну площадь, потом – другую.

«Здесь, конечно, немало недостатков, – разглагольствовал он, – но больше и преимуществ. Главное – это заброска в поле».

Взяв со стола Антона какую-то таблицу, Алексей бегло её посмотрел и положил на место.

– Сам небось знаешь, как вертолёт выбивать, – буркнул геолог. – А тут мы сможем обойтись двумя рейсами «восьмерки» по одной заявке. Чувствуешь преимущество?

– Коже Кате ясно. Только о проведении совместных работ ещё вилами по воде писано. Возникнет море разных проблем, которые нужно будет как-то разрулить. Время заброски в

поле придётся привести к общему знаменателю. Я уверен, что у каждого окажутся свои планы, и под них будут все подстраиваться.

Меряя кабинет шагами, Антон подошёл к окну. Снова, как вчера и позавчера, дул северный ветер. Из окна четвертого этажа было видно, как столб густого белого дыма, вылетая из высокой кирпичной трубы газовой котельной, сначала резко отклонялся в сторону, потом, будто набрав силу, устремлялся вверх и, пролетев по широкой долине вдоль крутого ленского берега, рассасывался и медленно исчезал.

– Я думаю, раз шеф озвучил эту мысль, значит, идея уже выношена, – предположил Алексей. – И, возможно, на что-то он решился. Ты же знаешь, Николай Петрович просто так болтать не будет. А положение у нас действительно тяжёлое, потому как получился серьёзный прокол с лошадьми. Ты знаешь, в Алысардахе нам отказали. Иначе говоря, послали подальше. И никто за нас не заступился, никто не помог, а ты тут работай как хочешь – это никого не волнует. Теперь лошадей придётся гнать из Селеняха. А это, я тебе скажу, кусок в двести километров. С большим гаком, – добавил он. – А на нашу площадь и того больше. Полсезона будем гонять лошадей к месту работ и столько же обратно. А когда работать? Вот поэтому и надо срочно переориентироваться, тут шеф прав.

Антон возразил:

– Может, Петрович и прав, только машина уже запущена, и что-то поменять практически невозможно. Я думаю, что всё останется как прежде.

– Ну уж нет, – встал на дыбы Алексей, – посмотришь, будет так, как я тебе сказал. И ещё могу добавить, что в этот раз руководить полевыми работами будет не шеф, как обычно, а Паша Стрельников. Добавлю и про перегон, хотя и так всё ясно: лошадей погонит один Дубовик с рабочими.

«Надо же, он оказался прав, – подумал Антон, – вот только со мной дал маху. Впрочем, это невозможно было предсказать, можно сказать, – воля случая. Но почему именно я, а никто-то другой? С меня одного раза хватило. Можно было и Леху подрядить. Пусть бы он по тайге пробежался, как мне сказал Стрельников. А то, видите ли, на базе он нужней. Ох, пару дней ещё можно было бы поболтать в Северном. Хотя...»

В голове снова промелькнули события последних дней. Длинное, как барак, геологическое общежитие Северной экспедиции, где нашли приют геологи, приехавшие из Якутска, стояло на берегу Индигирки. Время сделало своё дело: деревянное здание основательно покосилось и вросло в землю. Из-за дороги, которую когда-то подняли, опасаясь частых паводков, окна упирались в насыпь, и общежитие стало казаться более приземистым, чем было. Издалека можно было подумать, что здание нежилое, однако это было только первое впечатление: внутри было довольно чисто и обжито.

– И чего только людям не сидится на месте? – ворчала дежурная, записывая геологов в солидную амбарную книгу, аккуратно обернутую газетой. – У меня таких, как вы, знаете сколько? Уже селить негде. Быстрее бы уж эти паршивые бичи уехали. Тоже мне, полевики! – Она брезгливо поморщилась и плюнула прямо на пол. – Пьют, как черти, – ничего их не берет! – Дежурная оторвалась от книги, окинула всех с ног до головы сердитым взглядом и назидательным тоном сказала: – Чтобы здесь у меня спиртного даже не нюхали, а то я вас...

После ужина все быстро улеглись. В ближнем углу небольшой комнаты, до предела забитой кроватями, сразу раздался содрогающий стены храп. Из дальнего угла слышалось тонкое посвистывание. Антон долго ворочался, потом незаметно уснул. Сквозь сон он слышал, что в комнате громко разговаривали. Один из говоривших голосом дежурной грозился куда-то выкинуть другого. Тот не уступал. Потом на пол что-то упало и со звоном разбилось. Вскоре хлопнула дверь, и неожиданно всё стихло. Однако спустя короткое время кто-то стал ходить по комнате, споткнулся, и упал прямо на раскладушку Антона, стоявшую посередине. Парень не

успел сообразить, в чём дело, как тот скороговоркой извинился и наконец улёгся. Проснулся Антон от того, что его настойчиво звали.

– Антон, Антон, проснись! – услышал он чей-то тихий голос. – Антон...

– Кто это? – также тихо спросил парень.

– Это я, Алексей. Открой! Меня Фрося не пускает. На улице холодно...

Антон сел на прогнувшуюся до пола раскладушку, тряхнул головой, сбрасывая остатки сна. Присмотревшись, он увидел Алексея, стоявшего по ту сторону окна. В узкую форточку тройной, крепко сколоченной рамы насколько мог тот просунул голову.

– Лёха, ты, что там делаешь? Иди сюда, ложись.

– Я же т-тебе г-говорю, м-меня Фрося не пускает, – стуча зубами, сказал Алексей. – Эти все спят без задних ног, а я... Лежат у окна и ничего не слышат. Я тебе тоже кричу, кричу... а ты дрыхнешь, – с обидой на вредную дежурную, на себя и на ничего не понимающего Антона, матюгнулся геолог. – Й-а з-за-мерз, спать хочу, а она, с-собака ж-желтоухая, н-не пускает.

– Ты как там оказался? Я видел – ты ложился.

– Л-ложился. Душно стало, я пошёл на Индигирку воздухом подышать, сидел на берегу, ледоход смотрел и уснул. А теперь вот, она н-не пускает. Ну кто бы мог подумать, что такое случится? Кошке дверь открыла, а мне говорит: «Иди, бич паршивый, откуда пришел...» Я хотел проскочить – она собой дверь загродила. Её не отодвинешь. У-у, зараза толстая! Кто такую дуру сюда посадил? Вот собака...

Антон больше не стал ничего выяснять и, как встал с постели, босиком в одних трусах пошёл по длинному коридору. Добротная дверь прихожей, обитая полосатым матрасом, была закрыта массивным засовом и зачем-то подперта длинной, наклонно стоявшей скамейкой, упиравшейся внизу в порог дверного косяка коридора.

Неожиданно, откуда-то сзади, как из пустоты, его громко окликнули.

– Ты куда?

– Подышать, – буркнул Антон.

– Назад я не пушу. Там один уже дышит...

Антон открыл дверь, в неё сразу ввалился Алексей. Пока сонная дежурная отрывала от стула грузное тело и выходила из застекленной клетки, они успели проскочить в свою комнату.

– Сволочи, алкоголики, бичи! – понеслись вдогонку проклятия. – Как вы мне надоели! Я вас выведу на чистую воду! Завтра напишу рапорт коменданту, и вы у меня вылетите отсюда, как пробка из бутылки.

«Ох уж эта Фрося! Гоняет она там мужиков, спуску никому не дает. Вся общага дрожит. Такой попадись под руку...»

Согревшись в спальнике, Антон заснул. Под утро снова стало жарко. Он высунул голову наружу. Солнечный луч, пройдя через открытое окошко, прорезал палатку, пополз по стенке, коснулся лица парня. Тот попытался отмахнуться, как от назойливой мухи, ничего не получилось – луч слепил. Щурясь, Антон открыл глаза, посмотрел на часы.

«Ещё рано. Все спят, а мне лезет в голову всякая ерунда. – Он повернулся на бок, попытался заснуть, но сон больше не шел. – Нечего кривить душой, мне крупно повезло. Хорошо, что всё так получилось. Теперь не придется прятаться за тёмными очками Стрельникова от дежурной. Да и что там делать в этом Северном? Как привязанный, жди этот вертолёт. Бедный Леха! – посочувствовал он коллеге. – Нет, здесь лучше, но перегон – дело серьёзное. Пока вроде все идёт нормально. Лошади, правда, как на подбор, все с норовом. С такими дикарями я еще не встречался».

Антон ещё долго думал о предстоящем перегоне, и о своем месте в этом коллективе. Так и не сомкнув глаз, он поднялся с дежурным.

Глава 10

Приём лошадей

После обеда ребята снова пришли в загон. Солнце стояло уже высоко, и воздух так раскалился, что обжигал. От зноя всё вокруг притихло, будто притаилось.

– Саша, вот наш табун, – показал Антон на поляну за изгородью. Лошади заметно успокоились и, разбившись на три группы, разбрелись по всему загону.

Удовлетворенный увиденным, Дубовик потирал руки, едва сдерживаясь от накатившей радости, сказал:

– Да я уже с ними познакомился. Как только пришёл из посёлка, первым делом посмотрел.

– Ну и как впечатление? – спросил подошедший Костя. – Понравились?

Геолог невольно подался навстречу коневоду и усмехнулся:

– Откровенно говоря, я думал, будут хуже. Мы столько натерпелись в ожидании этих лошадей, что я не надеялся на что-то хорошее. Думал, пригоните по принципу на тебе, Боже, что нам не гоже, но, к счастью, ошибся. Прости, Костя, я был не прав. Вот только один серый мне не понравился. Это что за животное такая? – Он показал на лошадь, которая, как отшельник, стояла в стороне, понуро опустив голову. Можно было подумать, что все от неё отвернулись, и в знак протеста она ни к кому не примкнула. – Посмотри, впечатление такое, будто ее только пригнали из Бухенвальда: кожа да кости. Костя, я его не возьму, замени другим.

– Да ты что, Саня, этот конь совсем молодой, еще не окреп, – бурно отреагировал коневод, однако было видно, что он переигрывает.

– Какой там, чёрт, не окреп? – жестко сказал Дубовик. – Он же больной, еле на ногах держится, того и гляди упадет. Как вы его пригнали?

Понимая, что лошадь забраковали, коневод начал упираться.

– Нет, ты не прав, он ещё наберет в весе, зима только кончилась. Снега было много, поэтому он не смог копытить корм.

– А те что, не зимовали? – возмутился Александр, встретив упорство коневода. – Гляди, вон какие они исправные! Или, может, всю зиму вы их кормили одним овсом? Костя, сокола видно по полету.

Доводы геолога были более чем убедительными. Только слабые лошади не могут добывать себе корм из-под снега и отстают в весе. Коневод усмехнулся:

– Вы так всех наших лошадей забракуете. Антону вот Атара не понравился, тебе этот серый, а Роману еще кто-нибудь...

– Кто Антону не понравился? – спросил его Дубовик.

Коневод показал на лошадь, стоявшую в другой стороне загона. Осмотрев со всех сторон Атару, Дубовик заключил, что тот еще потянет.

– А серого я не беру. Зачем нам такой доходяга? По договору вы должны предоставить лошадей средней упитанности, прошедших полную санобработку, не моложе трехлетнего возраста. А что получается? Ты мне даешь какую-то дохлую клячу, которую я и до базы-то не догоню, а нам же с ними все лето работать. Зато после поля вы принимаете лошадей согласно договору. И, не дай бог, если кто-нибудь окажется ниже средней упитанности, – хлопот не оберёшься. Я уже имею печальный опыт: один раз в Борулах недели две лошадей откармливал, прежде чем их приняли. Полтонны овса перевёл. Так что, дорогой Костя, чтобы не повторился второй Борулах, давай придерживаться договора. Как заменишь серого, я подпишу акт приёмки всех лошадей.

Коневод нехотя согласился и, когда со всеми разобрались, предложил свою помощь.

– Давай сразу наденем недоуздки. Тащите их сюда, мы с Августом покажем, как надо правильно работать с лошадьми.

Ближе всех, опустив голову, стоял Хромой. В руки он дался легко, но, видно, для приличия помотал рыжей головой с белой полосой, проходившей между глаз до самого носа, и попытался вырваться. Костя быстро его перехватил и натянул на голову новенький недоуздок, сшитый из сыромятных ремней, обвязанных капроновым фалом. Лошадь, потоптавшись на месте, еще сильнее замотала головой.

– Теперь, любезный друг, ты у нас меченый, и поймать тебя будет гораздо проще, чем голенького. Вы вообще-то неплохо придумали с этим фалом, – обратился он к Дубовику, – недоуздки не порвутся. А то за него схватишься, а он остался в твоих руках, потом ищи ветра в поле.

С помощью Дубовика Костя поймал так же легко вторую и третью лошадь. Трудней пришлось Августу. Здоровенный толстый конь, заросший густой шерстью, спрятался за скучившимися животными и забился в самый дальний угол загона. Вытащить его оттуда было непросто.

– Ну, Тойон, давай выходи, хватит тебе дурить, – уговаривал его коневод. Он пытался подойти к нему вплотную, но тот зло храпел и подставлял свою морду, чтобы на нее надели какие-то ремни, не вызывавшие у него доверия, совсем не собирался.

– Однако плохо тебя учили. Бригадир раскормил, как свиноматку, брюхо висит. Ай-я-я, – стыдил он лошадь, – ну как тебе не стыдно! Ну, давай шевелись, я жду. – Не вняв ни одному его слову, конь стоял не шелохнувшись. Однако с грехом пополам благодаря помощи Антона и Романа Тойон вскоре сдался.

С белой лошадью Августу повезло больше: через минуту она крутилась на месте, мотая головой с одетым на нее сыромятными ремнями, и помахивала лохматым черным хвостом.

– Вот видишь, Тойон, надо брать пример с Магана, он не выкаблучивается, как ты, потому что понимает – надо вкалывать. Отдохнули зиму – и хватит, пришло время поработать. Ты теперь не просто совхозный конь, а геологический конь. В экспедицию пойдешь, будешь работать в тайге. Это тебе не в табуне носиться по степи.

– Хороша лошадка! – с восхищением сказал Антон, осмотревший Магана со всех сторон. – Таковую впору ставить только под кавалерийское седло, а не выюки на ней возить.

Роман внимательно смотрел за всем, что делали коневоды, и всегда вовремя оказывался там, где требовалась помощь. Белая лошадь ему тоже понравилась.

– Был бы росточком побольше – можно было бы и на парад, а пока его ждет другая участь. Вот если в тайге подрастет, тогда его карьера может сложиться иначе.

Слушая геологов, Август тоже залюбовался лошадью.

«Ничего не скажешь, конь и правда хорош! Белый-белый, как снег зимой. Однако как быстро время летит! Когда после армии я пришёл в бригаду Огонёра, он был тоненьким жеребенком, ни на шаг не отстававшим от своей красивой матери. Хотугу Сулус³ теперь звездой не назовешь – в табуне есть лошади получше, но все равно, время будто не берет Сулус. Этот белый, видать, в мать, только еще белей ее. Поэтому Огонёр назвал его Маган ат⁴. Для этого коня лучшего имени и не придумаешь. А для нас он просто Маган, ведь и так понятно».

– Его в тайге хорошо будет искать, залезешь на горку – издали видать, – вытаскивая из пачки сигарету, сказал он вслух. – Конь что надо! – Он показал большой палец и закурил. – Я, однако, осенью попробую его поставить под седло, если нормально пойдет, – возьму себе, а то мой Батыр стал уже сдавать.

Геологи постепенно освоились и почувствовали себя уверенней. Раздевшись до пояса, молодежь обступили Августа.

³ Хотугу сулус – Полярная звезда (як.).

⁴ Маган ат – Белая дощадь (як.).

– Ты давно работаешь коневодом? – прикуривая, спросил Роман. Эти молодые ребята, возможно, даже ровесники, вызывали у него восхищение, и он хотел узнать о них побольше.

– Да как тебе сказать, наверно, давно. Сколько себя помню, вокруг меня были лошади. Я, можно сказать, родился в седле. С лошадьми связано все, что меня окружает. Мой дед был коневодом, заслуженный человек. Его тут хорошо знали. Всю войну прошёл снайпером и ни одной царапины, а перед самой победой ранило вражеским осколком. До последних дней он носил кусок железа под сердцем. Доктора запрещали работать, а он всё равно бежал к своим лошадям. Видать, не мог без них.

Август, крепко затянувшись, продолжал:

– После школы я решил тоже стать коневодом. Вы же знаете, лошадь испокон века помогала людям да ещё кормила. Куда без неё?

Отмахиваясь от табачного дыма, разговор поддержал Антон, заинтересовавшийся рассказом коневода. Его дед тоже воевал и так же, как отец Августа, был ранен, а после войны окончил институт и работал инженером на закрытом заводе.

– Август это твое имя, что ли?

– А то что же? Так родители меня называли, потому что в августе родился. По гороскопу, значит, Лев я. – Он снова затянулся и ненадолго замолчал, видно, думая о чём-то далеком. – Тут ни у кого такого имени нет, – наконец нарушил он молчание, – многие считают, что если имя редкое – значит, хорошее, только мне оно совсем не нравится. Родители придумали, а я всю жизнь мучаюсь, никак привыкнуть не могу. А когда наступает этот самый месяц август, кажется, будто все только говорят обо мне. Вот ведь как бывает, правда, интересно? – усмехнулся он и, помолчав, сказал: – Когда у меня будут дети, я их назову красиво: мальчика обязательно – Нюргуном, а девочку – Сарданой. Нюргун Боотур – герой нашего национального эпоса, а сардана – созвучно саранке. Это цветок такой, растёт на берегах нашей Индигирки. Яркий-яркий такой. Саранка похожа на обычную лилию, только маленько пониже и цвет у неё оранжевый, а на закрученных лепестках тёмно-бурые пятнышки. Возможно, видели. Я слышал, что саранку называют ещё лесной лилией, а давным-давно – царскими кудрями. Говорят, если ее понюхаешь, станешь сильным и храбрым, а если девушка съест луковицу это цветка, превратится в красавицу и её сердце заполнит любовь. Вот такая чудесная эта сардана!

Глава 11

ЧП районного масштаба

К вечеру подул лёгкий ветерок, повеяло свежестью, и всё вокруг, точно встрепенувшись ото сна, ожило. Поднялась пожухлая на солнце трава, затрепетали тоненькие березки и лиственницы, только пожелтевший мох и высохший ягель с виду были безжизненны. Они так же, как разогретая земля, просили живительной влаги.

Все лошади в новеньких недоуздках, отдающих желтым цветом в лучах вечернего солнца, стояли привязанными к городьбе. Лишь один светло-серый конь будто затерялся среди них. Он сиротливо жался к городьбе, при каждом шорохе нервно подергивая ушами.

– Ах, Шестёрка! А о тебе мы забыли, – остановился возле него Костя. – Стоишь тут тихонько и помалкиваешь, только ушами стрижёшь. – Он показал на цифру шесть, выстриженную в верхней части задней ноги. – Его так и зовут Шестёрка. Вообще, он конь послушный и работает неплохо.

Дубовик засмеялся. В его понимании шестёркой называли продажных людей, «закладывавших» своих. Таких он никогда не любил и старался обходить их стороной.

– Ну ты, Костя, шутник! Шестёрка, как меня учили в школе, слово женского рода, значит, имя бабское, а этот, насколько я понимаю, конь.

– Ну и что? – нисколько не удивился тот. – Я, думаю, он на нас не в обиде. Какая коню разница мужское у него имя или женское. В моем табуне три с лишним сотни лошадей – на всех нормальных имен не хватит. Вообще он очень хороший и крепкий конь, – повторил он, – почти как танковая броня. В связке передовиком ходит, геологов давно знает...

Шестёрка стоял тихо, будто прислушивался к тому, что о нем говорят. Неожиданно его всего, от копыт до хвоста, начало трясти мелкой дрожью. Костя протянул к нему руку, хотел успокоить, но разволновавшаяся лошадь резко дернулась и со всей силы боком шархнула о загородку загона. Та затрещала, но не сломалась. Шестёрка упёрся всеми четырьмя ногами, струной натянулась веревка, он снова дёрнулся, и опять крепкая льняная веревка и добротная городьба выдержали. Конь остался на месте. Со стороны могло показаться, что он проверяет их на прочность. Показав свою недожизненную силу и, по-видимому, убедившись в бессмысленности этого занятия, конь успокоился.

– Давно бы так, а то изображаешь тут из себя какого-то циркача. Я же знаю, что ты умный конь, – спокойно сказал Костя. Он снова осторожно протянул к нему руку, но, как только дотронулся до шеи, заросшей густой шерстью, конь судорожно вздрогнул. Только сейчас, переступив с ноги на ногу и как-то виновато отвернув голову, Шестёрка остался на месте. Быстро справившись с недоузками, Костя облегченно вздохнул и подошел к Дубовику.

– Ну вот, теперь полный порядок, всех повязали. Немного погода покормите, и пусть стоят до утра. Сейчас им нужно выстояться, так быстрее поймут, что пора работать. Утром попробуйте спутать и можете отпускать. Вообще приучать к путам их нужно с первого дня.

На следующее утро Дубовик спутал всех лошадей, а когда осталась одна пегая лошадка, позвал Антона.

– Теперь давай сам, я подержу. Не забыл, как узел вязать?

– Да вроде нет. В прошлом году я так наловчился, что могу даже ночью завязать.

– Ну и хорошо, потом будешь учить наших мужиков. Только сразу приготовь две палочки, чтобы потом путы можно было развязать. Сам знаешь, лошади их так затягивают, что хоть режь ножом. Вон у тебя под ногами сухая ветка, можно выстругать, – показал он парню, поняв его намерение идти к краю поляны, где росла одинокая лиственница. – Пару штук можешь сделать впрок, пригодятся, когда под руками ничего не будет.

Антон вытащил из ножен, болтавшихся на широком офицерском ремне, узкий охотничий нож, заточенный с одной стороны, и срезал четыре короткие палочки толщиной с палец. Подровняв края, поперек каждой по центру прорезал канавку. На средней жерди городьбы были развешаны новые брезентовые ремни, нарезанные из переносок для чемоданов, купленные накануне в поселковом магазине.

От веревочных пут Дубовик решил отказаться. Грубая льняная веревка, намокая, становилась как трос, и до крови натирала лошадиные ноги. Чаще других страдали молодые лошади, которых только пригнали из табуна. Привыкшие к свободе, кони без привычки спотыкались и даже падали. Сообразив, что свобода кончилась, они медленно семенили вслед за другими, мелко, насколько хватала веревка, перебирая ногами. И только через некоторое время начинали передвигаться прыжками на обе ноги. Поначалу прыжки получались не синхронными, но постепенно дело шло на лад. Лошади, привыкшие к путам, могли пройти за ночь добрый десяток километров.

Антон выбрал самые длинные пути и, размахивая ими, как веревкой, пошел к фигурному столбу-сэргэ⁵, стоявшему прямо в центре небольшого загона-ловушки, к которому был привязан Элэмэс.

«Какой-то он трусоватый, дрожит, будто на морозе, – подойдя ближе, подумал он. – Не понимает, что ничего плохого я ему не сделаю. Надо как-то его успокоить. А как?»

– Дружок, ну что ты трясешься? – сказал он, как можно спокойней. – Я тебя спутаю и отпущу на свободу. После этого ходи себе на здоровье.

Слова парня на коня не подействовали, тот по-прежнему нервничал.

– Э-э, зачем ты машешь руками? – крикнул Дубовик, погрозив Антону пальцем. – Ты его испугаешь. К лошадям надо подходить как можно спокойней, они и так нас боятся. Думают, что мы сделаем что-нибудь плохое.

Однако, несмотря на все старания Антона, Элэмэс ничего хорошего не ждал. Тяжело дыша и раздувая ноздри, заходил вокруг столба.

– Вот дикарь! – отступил в сторону парень. – Не хочет, чтобы я ему ноги связывал. А зря!

Дубовик про себя посмеялся, подумав, каким же надо быть ненормальным, чтобы добровольно потерять свободу.

– Антоша, он же не глупый, все понимает. Придется путать так. Давай, я подержу, а ты потихоньку начинай. Подходи всегда с одной и той же стороны, – поучал его Александр, – лучше всего с левой и несколько сзади, да так, чтобы лошадь тебя видела, а главное, чтобы не достала задней ногой, если вдруг решится ударить. Спереди, прямо в лоб, тоже никогда не заходи – испугаешь.

Дубовик взял под уздцы дергавшегося Элэмэса и подтянул голову вплотную к столбу. Тот попытался вырваться, но, поняв, что ничего не получится, быстро успокоился.

– Давно бы так, – тихо сказал Дубовик. – Можешь смело начинать, теперь он никуда не денется.

Антон наклонился и полез под лошадь. Почувствовав неладное, Элэмэс забеспокоился сильнее и стал топтаться на месте. Кое-как парень набросил ремень на одну переднюю ногу и попытался завязать тем хитрым якутским узлом, каким здесь путали лошадей. С трудом затянул узел на одной ноге, но не рассчитал длину ремня, поэтому его не хватило на вторую ногу, а когда наконец завязал, то забыл вставить палочку и вместо того, чтобы ослабить петлю, зачем-то полностью развязал. Пришлось начинать сначала. Элэмэс успокоился, его волнение выдавало только тяжелое дыхание да легкая дрожь. Время от времени он дергал ногами, мешая путать. Желая проверить, сумеет ли Антон его стреножить, Дубовик не вмешивался, и казалось – его тут нет. На какое-то мгновение он расслабил руку. Конь будто этого ждал: резко дернув

⁵ Сэргэ – коновязь (як.).

головой, вырвался и пошел по кругу. Антон не успел даже сообразить, что ему предпринять, как от сильного удара в голову отлетел назад. В глазах помутилось, тело стало ватным.

Сознание он не потерял и, когда пришёл в себя, увидел голубое небо с проплывающими пушистыми облаками. Как стая белоснежных лебедей, они летели высоко-высоко. Он медленно встал на колени, обхватил голову обеими руками. Пальцы правой руки стали липкими. К нему подскочил Дубовик.

– Антон, как ты? – наклонился он к парню. – Потерпи немного, я в палатку. Сейчас...

Когда он подбежал с перевязочным пакетом, тот стоял на коленях в той же позе, в какой его оставил и, казалось, ни на что не реагирует. Александр осмотрел рану и стал подталкивать парня.

– Вставай, я тебя перевяжу. Ну, давай! Надо себя пересилить, потом будет легче.

Покачиваясь, Антон поднялся. Голова гудела, ноги дрожали в коленях. Дубовик виток за витком стал накладывать бинты. Глядя на него, можно было подумать, что этим делом он занимается всю жизнь.

– Ну вот, теперь тебе должно быть полегче, – закончив перевязку, он придирчиво осмотрел пострадавшего. С забинтованной головой тот стал похож на раненого бойца, которого вернули к жизни заботливые руки санинструктора. – Я думаю, ничего страшного, заживет как на собаке. Это я виноват, прозевал. Прости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.